

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

№ 11/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 11/2021

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 Шевченко И.М. К вопросу о межотраслевом характере принципа эстоппель

9 Новиков Н.А. О некоторых вопросах правового статуса арбитражного судопроизводства в современной России

14 Курочкин С.А. Правила о судебных расходах как средства обеспечения эффективности гражданского и арбитражного процесса

19 Мирошниченко М.Н. О реализации прокурорами полномочий по защите в судебном порядке прав инвалидов

23 Абдуллина В.А. Споры в сфере киберспорта: вопросы forum conveniens, эффективных процедур и обеспечительных мер

29 Старицын А.Ю. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе

33 Нечаев А.И. Влияние правопреимства на течение сроков исковой давности

36 Якубяк Ю.Ю. Взыскание судебной неустойки: некоторые процессуальные вопросы

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА

Инвентар №

20 йил

40 Потапенко Е.Г. Неординарные способы изменения решения суда в гражданском процессе

44 Данилин Е.М., Карпеев О.В. Договор буксировки и смежные договорные обязательства (по материалам арбитражной судебной практики)

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

49 Серобаба И.А. К вопросу об оспаривании прокурором сделок в делах о несостоятельности (банкротстве)

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

52 Кузнецов Е.Н. Особенности реализации права на исполнение судебных актов, вынесенных по результатам рассмотрения групповых исков

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

57 Гроник И. Особенности функционирования электронной судебной системы Государства Бруней-Даруссалам

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИГ «ЮРИСТ»:**

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.****Учредитель:**

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 09.11.2021.

Номер вышел в свет: 18.11.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования.

Шевченко**Илья Михайлович,**

доцент кафедры финансового права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук
i.shevchenko@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-3-8

К вопросу о межотраслевом характере принципа эстоппель

Автор обосновывает тезис о том, что признания и утверждения, сделанные стороной будущего спора до возбуждения дела, должны учитываться при рассмотрении дела в суде. В статье утверждается, что устанавливать уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний лицом, участвующим в деле, нецелесообразно, необходима более мягкая процессуальная санкция в виде дисквалификации показаний лица в целом.

Ключевые слова: эстоппель, ложь в суде, принцип добросовестности.

Принцип эстоппель как запрет на противоречивое поведение имеет в действующем правопорядке два «места жительства»: в гражданском праве и в процессуальном праве.

В первом случае данный принцип закреплен в законе. Так, п. 5 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) запрещает ссылаться на недействительность сделки лицу, которое своим поведением после заключения сделки давало другим лицам повод полагаться на действительность сделки.

Схожая норма закреплена в п. 3 ст. 432 ГК РФ: стороне, которая совершила действия по исполнению договора, запрещается ссылаться на его незаключенность.

Эстоппель в процессуальном праве выработан судебной практикой. Приведем два примера.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) рассматривал дело о приведении в исполнение решения Лондонского международного арбитражного суда (далее — ЛМАС) о взыскании с ООО «Соллерс-Елабуга» в пользу компании «Ауто-робот-Стрефа Сп. З о.о.» задолженности по договору поставки оборудования.

В данном деле являлся ключевым вопросом о том, был ли ответчик извещен надлежащим образом о разбирательстве в ЛМАС.

Из обстоятельств дела следовало, что ООО «Соллерс-Елабуга» направи-

ло в международный арбитраж письмо по электронной почте, в котором согласилось на рассмотрение его дела единолично арбитром ЛМАС. При этом письмо было направлено от имени Хвесени В.М., и в нем были указаны его контактные данные, в том числе адрес (ул. Тестовская в Москве).

Судебные извещения со стороны ЛМАС направлялись именно по указанному адресу.

Однако затем при рассмотрении Арбитражным судом Республики Татарстан вопроса о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного арбитража ООО «Соллерс-Елабуга» стало ссылаться на то, что оно не было извещено надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. В частности, оно указало на то, что Хвесени В.М. являлся директором по правовым вопросам ОАО «Соллерс», а не ООО «Соллерс-Елабуга», в трудовых правоотношениях со вторым из названных обществ не состоял.

Суды первой и кассационной инстанций согласились с подобными доводами.

Однако Президиум ВАС РФ отменил принятые по делу судебные акты и удовлетворил заявление.

Как указал суд надзорной инстанции, ОАО «Соллерс» было единственным участником ООО «Соллерс-Елабуга», что могло учитываться ЛМАС. Коль скоро юрист контролирующего

общества взял на себя обязанность представлять интересы дочернего общества, следует признать, что его полномочия явствовало из обстановки.

Ввиду противоречивости собственного поведения ответчик утратил возможность ссылаться на ненадлежащее извещение его о времени и месте рассмотрения дела (эстоппель)¹.

Примечательно, что Президиум ВАС РФ удовлетворил заявление иностранной компании, не направляя дело на новое рассмотрение.

Второе дело, которое мы хотели бы привести, — Определение Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 9 октября 2014 г. № 303-ЭС14-31.

В рамках соответствующего дела ОАО «Дальневосточное морское пароходство» обратилось в арбитражный суд с иском к ЗАО «РИМСКО» о взыскании 80 000 000 руб. вознаграждения за спасательную операцию, проведенную в отношении транспортного рефрижератора «Берег Надежды» в Охотском море.

Дело прошло несколько кругов его рассмотрения.

При очередном «круте» ЗАО «РИМСКО» неожиданно стало ссылаться на то, что не является надлежащим ответчиком по делу, поскольку не владело судном «Берег Надежды», хотя до этого момента указывало только на необоснованность требований истца по существу спора.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ со ссылкой на принцип эстоппель признала подобный довод неправомерным. Как указано в Определении от 9 октября 2014 г., коль скоро ЗАО «РИМСКО» в публичном реестре Российской Федерации позиционировало себя как субъекта, эксплуатирующего судно в российской юрисдикции, его ссылки на отсутствие статуса судовладельца отклонены.

Дело не было окончательно разрешено ВС РФ, оно направлено на новое рассмотрение².

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1332/14 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 303-ЭС14-31 // СПС «КонсультантПлюс».

До сих пор мы рассматривали примеры, когда эстоппель в материальном праве и эстоппель в процессе «жили своей жизнью».

Теперь же мы постараемся «перекинуть» мостик и поставить вопрос о том, может ли один эстоппель превращаться в другой. Иными словами, может ли суд учесть при вынесении решения несоответствие между поведением лица в гражданском обороте и его поведением в процессе?

Для этого обратимся к Постановлению Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2021 г. по делу № А56-35582/2020.

Судами было установлено, что истец по делу — ООО «Эирдэнс» — предоставлял услуги студии танцев, для этих целей он арендовал нежилое помещение у ответчика — ООО «Траст Коммерц».

С введением на территории Санкт-Петербурга ограничительных мер, предусмотренных Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», деятельность истца стала невозможной и с 27 марта 2020 г. была прекращена.

Между тем договор аренды прекратил свое действие только 15 апреля 2020 г.

Одним из вопросов, который рассматривался в этом деле, был вопрос о том, на какую сумму подлежит снижению арендная плата за период с 27 марта 2020 г. по 15 апреля 2020 г.

Напомним, что право арендатора требовать снижения арендной платы за период, когда он не мог пользоваться имуществом ввиду введенных ограничительных мер, предусмотрено п. 3 ст. 19 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».

Суды как первой, так и апелляционной инстанции признали, что сумма арендной платы за указанный период

подлежит снижению на 50%, поскольку именно такую скидку предлагал арендодатель арендатору в письме от 13 апреля 2020 г. Также важно отметить, что, несмотря на подобные предложения на досудебной стадии, в суде ответчик возражал против удовлетворения иска в данной части³.

Однако суды признали значимым поведение ответчика до возбуждения дела и пришли к выводу о снижении арендной платы именно до того уровня, который предлагал арендодатель в досудебной переписке.

Получается, что эстоппель перекочевал из материальных правоотношений в процессуальные.

Другой весьма характерный пример содержится в Определении ВС РФ от 7 октября 2019 г. № 307-ЭС17-11745 (2).

Предметом рассмотрения ВС РФ был вопрос о том, являлся ли гражданин Г. лицом, контролирующим ООО «Промышленная группа „Ладога“».

С формальной точки зрения он занимал должность президента компании и, согласно локальным нормативным актам, не обладал достаточными полномочиями по управлению деятельностью должника.

Однако фактически ответчик действовал так, как если бы он был бенефициаром общества-должника: выступал от его имени в средствах массовой информации, вел переговоры с налоговым органом по вопросу реструктуризации задолженности, контролировал деятельность других юридических лиц, владевших ключевыми активами ООО «Промышленная группа „Ладога“».

При рассмотрении обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности гражданина Г. отрицал наличие у него признаков контролирующего должника лица.

Однако ВС РФ не согласился с его позицией, обратив внимание на несоответствие между поведением ответчика в гражданском обороте и в судебном процессе.

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2021 г. по делу № А56-35582/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная коллегия по экономическим спорам отменила постановление суда округа об отказе в привлечении к субсидиарной ответственности гражданина Г. и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, которые признали обоснованными требования заявителя по делу (уполномоченного органа) в данной части⁴.

Итак, в двух приведенных делах суды признали значимым для исхода рассмотрения дела поведение лиц, участвующих в деле, на допроцессуальной стадии.

Но правильно ли это?

Для начала приведем отрицательную точку зрения по этому вопросу.

Как указывает М.З. Шварц, в отличие от гражданского оборота, в ситуации, когда субъекты оборота оказываются в суде, «никто ни от кого благородного поведения уже не ждет». Все средства хороши для победы в споре, и стороны могут корректировать свои позиции с учетом поведения своего процессуального оппонента⁵.

Коль скоро автор ставит под сомнение саму возможность эстоппеля в процессуальном праве, то тем более он, очевидно, будет возражать против его «перетекания» из материальных правоотношений в процессуальные.

Однако мы позволим себе не согласиться с автором.

Мы категорически против утверждения о том, что для победы в споре, рассматриваемом судом, «все средства хороши». Мы глубоко убеждены, что лица, участвующие в деле, и их представители обязаны не только делать все для достижения победы в споре, но и в некотором аспекте содействовать суду в правильном разрешении дела.

Нам сразу могут возразить, что закон не устанавливает подобной обязанности лиц, участвующих в деле. Арбитражный

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2019 г. № 307-ЭС17-11745 (2) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95–99.

процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) содержит лишь общую норму о том, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ). Аналогичная норма содержится в ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ).

При этом важно отметить, что закон не всегда устанавливает санкции за нарушение подобной обязанности.

Единственный случай, предусмотренный АПК РФ, — это ст. 111 указанного Кодекса, а в ГПК РФ — ст. 99 Кодекса.

Данные нормы не обязывают лиц, участвующих в деле, содействовать суду в правильном разрешении дела.

Однако здесь мы хотели бы подойти к одной из главных мыслей нашей статьи. В сфере гражданского права является общепризнанной точка зрения о том, что общие нормы о добросовестности участников гражданского оборота (п. 3 и 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) могут быть использованы как механизм правогенеза при наличии в законе пробела (как в традиционном смысле, так и так называемого телеологического пробела)⁶.

Применение подобного механизма в процессуальном праве с использованием для этих целей ч. 2 ст. 41 АПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ на первый взгляд войдет в противоречие с принципиальным положением о том, что коль скоро процессуальное право относится к праву публичному, то к нему применим принцип «разрешено только то, что прямо предписано».

Однако любому практикующему юристу очевидно, что процессуальная форма заведомо пробельна. Более того, эта пробельность признана самим законодателем, допускающим применение норм процессуального права по аналогии (ч. 5 ст. 3 АПК РФ, ч. 4 ст. 1 ГПК РФ).

Кроме того, мы рискуем утверждать, что действующие процессуальные кодексы — это переработка процессуальных кодексов советского времени, рассчитанных на достаточно простые процессуальные ситуации, в которых участвовали рядовые граждане, не искушенные в сложных судебных баталиях. Именно потому современные кодексы (с точки зрения буквального текста закона) порой бессильны перед случаями изощренной процессуальной недобросовестности.

Мы глубоко убеждены, что судья, столкнувшийся с подобной недобросовестностью, не может просто развести руками и пойти на поводу у недобросовестной стороны, он должен пресекать злоупотребления процессуальными правами доступными ему средствами.

Ввиду этого мы выступаем за применение ч. 2 ст. 41 АПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ как механизм правогенеза в процессуальном праве. Правило об эстоппеле — один из первых примеров результатов подобного правогенеза.

При этом мы считаем, что необходимо в соответствующих случаях ссылаться именно на нормы процессуальных кодексов, а не на п. 1 ст. 10 ГК РФ, поскольку последний имеет иную отраслевую «прописку».

Безусловно, аргументы тех авторов, которые не поддерживают саму идею процессуального эстоппеля, заслуживают внимания.

Если заявления и признания, сделанные лицом, участвующим в деле, до рассмотрения спора в суде, будут учитываться судом при разрешении дела, участники гражданского оборота будут вести себя довольно скованно во взаимоотношениях друг с другом и не признавать любые претензии к ним, даже обоснованные.

Такая ситуация не будет способствовать урегулированию споров на допроцессуальной стадии.

Однако на другой стороне этой дискуссии находятся интересы правосудия. Мы убеждены, что даже если не признавать действие в процессе принципа объективной истины, она все равно

⁶ Основные положения гражданского права: постановительный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020. С. 141–149, 337, 338.

существует как некое стремление суда выяснить действительные обстоятельства дела.

И далее мы выходим на проблему лжи в суде. Как известно, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) не предусматривает ответственности за сообщение суду заведомо ложных сведений лицами, участвующими в деле. Такая ответственность предусмотрена только для свидетелей (ст. 307 УК РФ). Не запрещены подобные деяния и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Но можно ли лгать суду? Нет!

И здесь нам снова понадобится механизм правогенеза, выводимый из ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ. Лгать суду (даже лицам, участвующим в деле) запрещено в силу общей обязанности действовать добросовестно.

Мы глубоко убеждены, что лица, участвующие в деле, и их представители (вторые особенно) не вправе добиваться победы в споре любой ценой. По нашим наблюдениям, практически в любом деле имеются обстоятельства, как свидетельствующие о правоте истца, так и свидетельствующие о правоте ответчика. И без совершения недобросовестных действий у сторон спора, как правило, имеется достаточно аргументов в свою пользу.

В конце концов, мы убеждены, что именно состязательный тип процесса гораздо больше способствует установлению истины по делу, чем следственный тип процесса. То, что принципу объективной истины больше способствует следственный процесс — расхожее заблуждение. Как отмечали еще создатели Устава гражданского судопроизводства 1864 г., в современном понимании следственный процесс сводится к сбору судом справок. Однако то, у кого запрашивать эти справки, зачастую носит произвольный характер и зависит от усмотрения суда. При этом исход спора в значительной степени будет зависеть от круга и источников запроса справок⁷.

⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года. СПб., 1866. С. 27–30.

Более того, господство в советское время следственного процесса не помешало незаконно осудить массу людей как немецких, английских и французских шпионов и т.п., хотя в действительности они ими не являлись.

Напротив, состязательный тип процесса, как это ни парадоксально, гораздо в большей мере способствует установлению истины. Безусловно, каждая из сторон представляет доказательства выгодных ей обстоятельств, однако из совокупности этих доказательств у суда складывается более-менее объективная картина событий.

Поэтому мы убеждены, что обязанность говорить суду правду несколько не мешает лицу в реализации его права на судебную защиту.

Но какова же должна быть санкция за сообщение суду заведомо ложных сведений? Мы полагаем, что в качестве таковой должна быть полная дисквалификация показаний определенного лица. Другими словами, если суд единожды уличил лицо во лжи, он вправе не учитывать любые его показания и при их оценке указать лишь на данный факт.

Подобных примеров достаточно много в практике английских судов. К примеру, Высокий суд Лондона, рассматривая дело о взыскании в пользу Банка Москвы убытков с Кехмана В.А., признал, что ответчик является «недобросовестным, нечестным и неудовлетворительным свидетелем»⁸.

Рассматривая известный спор между Абрамовичем Р.А. и Березовским Б.А., Высокий суд Лондона отметил, что показания последнего неоднократно менялись и дополнялись, а иногда были просто нечестными⁹.

Мы убеждены, что именно подобная санкция (дисквалификация показаний лица в целом ввиду единожды высказанной лжи) станет наиболее действенной для целей быстрого и эффективного рассмотрения гражданских дел судами.

⁸ Владимиру Кехману выставили лондонский счет // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3604307> (дата обращения: 31.05.2021).

⁹ Борис Березовский проиграл Роману Абрамовичу // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2013349> (дата обращения: 31.05.2021).

В этом смысле мы не являемся сторонниками введения административной или уголовной ответственности за ложь сторон в суде. Если предусмотреть подобную ответственность, то источником сведений об подобных преступлениях (правонарушениях) неизбежно будет сам суд, даже если с заявлением о совершенном преступлении обратится лицо, участвующее в деле. Также не исключено направление соответствующей информации в правоохранительные органы путем вынесения частного определения (ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ, ч. 3 ст. 226 ГПК РФ).

Однако суду не свойственна функция уголовного преследования. Суд не является карательным органом. Суду необходимы процессуальные средства для правильного разрешения дела «здесь и сейчас», для противодействия недобросовестному процессуальному поведению, в том числе сообщению ложных сведений, в текущем моменте. Будет ли потом лицо, сообщавшее ложные сведения, привлечено к уголовной или административной ответственности, суду индифферентно.

Аргументом против введения уголовной ответственности для лиц, участвующих в деле, за заведомо ложные показания является отсутствие широкой практики привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложные показания свидетеля. Так, за 2020 г. по ч. 1 ст. 307 УК РФ осуждено 394 человека¹⁰, хотя очевидно, что фактов дачи заведомо ложных показаний в судах существенно больше.

Таким образом, мы полагаем, что более эффективным средством против лжи в суде станет сугубо гражданско-процессуальная санкция в виде дисквалифи-

кации показаний лица, участвующего в деле, в целом.

Итак, в случае несовпадения признаний и утверждений лица до возбуждения дела и в ходе производства по нему к лицу, допустившему подобное противоречие, применимо правило об эстоппеле. В этом смысле мы сторонники межотраслевого действия данного принципа.

Безусловно, что существуют аргументы против подобного подхода. Самый важный состоит в том, что процессуальное право должно стимулировать участников гражданского оборота к внесудебному взаимодействию, урегулированию конфликтов без участия суда. Отстаиваемый нами подход может привести к тому, что стороны потенциального спора будут вести себя максимально скрытно и не идти на контакт друг с другом, боясь признать невыгодные для себя факты на досудебной стадии.

Также мы осознаем, что взгляд на поставленную проблему судьей и других участников гражданского судопроизводства может различаться просто в силу природы той или иной юридической деятельности.

И если судьи стремятся максимально установить истинные обстоятельства дела, то представители спорящих стороны, напротив, заинтересованы в победе своего клиента, иногда любой ценой.

Однако мы уверены, что быть честными и правдивыми не помешает никому. В конце концов, риск быть изобличенным судом во лжи может, наоборот, способствовать максимальной открытости на досудебной стадии.

Мы также считаем, что общей задачей всех практикующих юристов является повышение общей правовой культуры в обществе. Это будет способствовать спросу на профессию юриста в целом.

На этой оптимистической ноте мы хотели бы закончить нашу статью.

¹⁰ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5669 (дата обращения: 31.05.2021).

Литература

1. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2020. 1104 с.
2. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель / М.З. Шварц // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95–99.

Новиков**Николай Алексеевич,**председатель Арбитражного суда
города Москвы,
кандидат юридических наук
sekretariat@arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-9-13

О некоторых вопросах правового статуса арбитражного судопроизводства в современной России

Статья посвящена историко-правовому анализу правового статуса арбитражного суда и арбитражного судопроизводства в современных условиях. Поправками в Конституцию 2020 г., принятыми всенародным голосованием, закреплён целый ряд важнейших конституционных гарантий, в том числе в сфере отправления правосудия. В частности, окончательно закреплено самостоятельное положение арбитражного судопроизводства в системе процессуальных форм защиты нарушенных и оспоренных частных и публичных прав. Показано, что на протяжении длительного времени (в дореволюционный и советский периоды) арбитражные суды рассматривались как специализированные, а их компетенция определялась посредством использования общего понятия «гражданское дело». Арбитражное судопроизводство в большинстве случаев именовалось «арбитражным процессом» и часто рассматривалось как часть гражданского судопроизводства. Причину подобного положения автор видит в отсутствии в законодательстве отдельной отрасли «предпринимательского права», а также то, что до 2020 г. Конституция Российской Федерации не называла арбитражное судопроизводство в числе форм отправления правосудия. Доказывается, что в настоящее время арбитражный суд занимает независимое положение в судебной системе, характеризуется собственной компетенцией, есть все основания для выделения категории «арбитражное дело», а арбитражное судопроизводство является самостоятельной процессуальной формой защиты нарушенных прав.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражное судопроизводство, гражданское дело, арбитражное дело, предпринимательская и иная экономическая деятельность.

Поправками в Конституцию Российской Федерации (далее — Конституция РФ, Основной закон) 2020 г., принятыми всенародным голосованием, был закреплён целый ряд важнейших социальных и экономических гарантий, в том числе гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов каждого. Они привлекли не столь пристальное внимание общественности, как, например, вопросы охраны и поддержки семьи, пенсионеров, ветеранов ВОВ или защиты экологии и окружающей среды, вероятно, потому, что изменения в процессуальной сфере очевидны в основном специалистам. Однако конституционные основы правосудия имеют ключевое значение для любого государства, поскольку гарантируют жизнеспособность его правовой системы, правопорядок и справедливость.

Важнейшей процессуальной поправкой является придание арбитражному судопроизводству статуса самостоятельной процессуальной формы защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов. Часть 2 ст. 118 Конституции РФ отныне закрепляет, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

До 2020 г. арбитражное судопроизводство не упоминалось в тексте Основного закона. Несмотря на существование *de facto* системы арбитражных судов, рассматривающих и разрешающих отнесенные к их ведению дела по правилам отдельного процессуального кодифицированного акта — Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), — арбитражное

судопроизводство многими учеными рассматривалось как часть гражданского судопроизводства. Отсутствие у арбитражного судопроизводства «конституционного статуса» было причиной своеобразного отношения к этой форме защиты — в литературе ее обтекаемо называли «арбитражный процесс», а после упразднения в 2014 г. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вопрос о характере деятельности арбитражных судов считался практически решенным — это часть единого гражданского судопроизводства, а арбитражные суды — специализированные.

Вместе с тем у каждого, кто сталкивался с рассмотрением споров в сфере предпринимательской деятельности на практике, неизменно возникало убеждение в том, что это весьма специфичная процессуальная деятельность.

Проблема характера арбитражного судопроизводства имеет не только теоретическое значение по следующим причинам.

Возникновение правового конфликта влечет необходимость его разрешения. Без этого невозможно реальное осуществление права. Однако разрешить конфликт можно по-разному.

В основе любого правового конфликта лежит материально-правовой спор. Это основа, причина конфликта. Для того чтобы ликвидировать конфликт, нужно ликвидировать материально-правовой спор. Здесь есть два непересекающихся пути. Спор можно либо урегулировать, либо разрешить по существу.

Разрешение спора по существу в настоящее время возможно исключительно в решении суда — государственного или третейского (при условии, что на него государственным компетентным судом выдан исполнительный лист). Разрешение дела по существу предполагает определение истинного правообладателя и нарушителя спорного права с применением гражданско-правовых санкций и закреплением соответствующих обязанностей.

Урегулирование спора, напротив, осуществляется силами самих сторон и закрепляется в виде определения комплекса новых гражданских прав и обязанностей, фиксируемых в гражданско-правовом соглашении.

Таким образом, разрешение спора отличается от его урегулирования по правовым последствиям: если разрешение спора предполагает возможность принудительного исполнения судебного постановления, то гражданско-правовое соглашение, содержащее условия его урегулирования, может быть исполнено лишь добровольно; разрешение спора в судебном порядке является окончательным, а обращение к урегулированию может быть неоднократным; наконец, судебное разрешение применимо ко всем видам правовых конфликтов, а урегулированию могут подлежать лишь частноправовые споры¹.

Столь высокая степень надежности результата разрешения спора достигается при помощи строгих правил: государственная защита осуществляется только судом и на основании законодательства двух типов: материального и процессуального. Разрешение правового конфликта происходит по правилам материального законодательства, но рассмотрение дела, предшествующее его разрешению, производится в точном соответствии с нормами процессуального законодательства.

Решение, принятое с процессуальными нарушениями, является незаконным. В свою очередь, процессуальный порядок рассмотрения дела определяет его исход — правила доказывания, оценки доказательств, статус субъектов судопроизводства во многом влияют на исход дела. Поэтому процедура рассмотрения дела чрезвычайно важна — настолько, что неправильное определение применимой в деле процессуальной

¹ См. подр.: Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 28–37.

формы защиты влечет отмену вынесенного по делу, даже правильного по существу, решения.

Придание арбитражному судопроизводству конституционного статуса самостоятельной и независимой процессуальной формы защиты нарушенных прав означает среди прочего, что можно говорить о новом для цивилистической науки понятии — «арбитражное дело». Арбитражные дела составляют компетенцию арбитражного суда.

До момента закрепления арбитражного судопроизводства в Конституции РФ применительно к компетенции арбитражных судов использовалось понятие «гражданское дело».

Зародившись в качестве несудебного органа государственной власти, арбитраж с течением времени приобрел все черты самостоятельного и независимого суда. Однако самобытность арбитражного процесса длительное время не признавалась научным сообществом. Так, Р.Ф. Калистратова отмечала, что «аналогичными являются процессуальные роли как участников возможных экономических споров, так и тех тяжб, которые рассматриваются в суде общей юрисдикции»².

Т.Е. Абова также писала о том, что «дела, рассматриваемые арбитражными судами, также в широком смысле гражданские, несмотря на разную отраслевую принадлежность прав, составляющих предмет рассмотрения арбитражных судов»³. Об этом же говорил Г.А. Жилин: «При употреблении соответствующих терминов следует учитывать, что дела, возникающие из гражданских и иных правоотношений в сфере гражданского оборота, рассматриваются не только судом общей юрисдикции, но и арбитражным судом»⁴.

В более поздний период в литературе также преобладала позиция, согласно которой арбитражные суды осуществляют гражданское судопроизводство. Например, указывали, что «безусловно, для отражения известной специфики рассмотрения споров в сфере экономической деятельности можно выделить и арбитражный процесс, но лишь как разновидность гражданского процесса. Ни набор законодательных актов, регламентирующих арбитражный процесс (а это может быть и единый Кодекс гражданского судопроизводства), ни различия в специфике рассмотрения споров не меняют существа дела — по характеру процедуры в системе классификации юридических процедур арбитражный процесс представляет собой подвид гражданского процесса»⁵.

Как видится, основная проблема отрицания самого факта существования «арбитражных дел» заключается в том, что российская правовая система никогда не выделяла предпринимательское право в самостоятельную отрасль законодательства и права. У арбитражного процессуального законодательства никогда не было соответствующего ему свода материального права. И суды общей юрисдикции, и арбитражные суды разрешали конфликты, возникающие из гражданского законодательства.

Исторически так сложилось, что, как писал Е.В. Васьковский, «торговые дела» (т.е. споры, возникающие в торговом обороте) разбираются гражданскими судами в общем исковом порядке, но в некоторых городах эти дела отнесены к ведомству особых коммерческих судов, которые руководствуются при разрешении их правилами устава торгового судопроизводства. Причем ведомство торгового суда распространялось только на тот город, где он находился, и на уезд этого города. В остальных же местностях дела, подведомственные коммерческим

² Калистратова Р.Ф. Избранные труды по арбитражному и гражданскому процессам. Краснодар, 2007. С. 345.

³ Абова Т.Е. Избранные труды. М.: Статут, 2007. С. 619.

⁴ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. С. 22.

⁵ Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство в арбитражных судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 9–14.

судам, разрешались общими судами по правилам Устава гражданского судопроизводства, но применяя, однако, материальное торговое право⁶.

Это обстоятельство и позволяло длительное время ряду исследователей называть арбитражные суды «специализированными» судами.

Однако, как правильно заметила Т.Е. Абова, «если и можно называть арбитражные суды специализированными, то только в том смысле, что они рассматривают исключительно гражданские дела (здесь нет уголовных дел)»⁷.

При этом задолго до принятия поправок в Конституцию РФ 2020 г. в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» было указано на обособленный характер экономических споров: «...в статьях 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации последовательно развивается логика ее статьи 118, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Именно исходя из того, что конституционное судопроизводство в соответствии со статьей 125 возложено на Конституционный Суд Российской Федерации, в статьях 126 и 127 определено, что к полномочиям других судов отнесено судопроизводство по гражданским, уголовным, административным делам и по разрешению экономических споров».

Таким образом, понятие «арбитражное дело» долгое время было «встроено» в понятие «дело гражданское». Однако материально-правовую специфику дел, рассматриваемых арбитражными судами, трудно отрицать. А с учетом того, что

арбитражные суды рассматривают на сегодняшний день также дела, возникающие из административных и иных публично-правовых отношений, их можно называть «арбитражными судами общей юрисдикции».

Процессуальное законодательство, описывая отнесенные к компетенции арбитражных судов дела, всегда использовало формулировку «возникающие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Понятие «предпринимательской деятельности» закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации. Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Но понятие «экономическая деятельность» должно быть, исходя из прямого толкования АПК РФ, шире понятия «предпринимательская деятельность».

М.А. Рожкова отмечала, что «в период создания системы арбитражных судов было вполне оправданным введение в законодательство понятия „экономические споры“, под которыми подразумевались в основном споры, возникающие в процессе предпринимательской деятельности. Тем самым законодатель провел „границу“ между спорами, подведомственными судам общей юрисдикции, и спорами, подведомственными арбитражным судам. Но даже тогда отмечалась неопределенность термина „экономические споры“»⁸. Т.К. Андреева указывала, что «в отличие от предпринимательства, предполагающего систематическое получение прибыли,

⁶ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / с предисл. и под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 138–139.

⁷ Абова Т.Е. Указ. соч. С. 620.

⁸ Рожкова М.А. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59.

иная экономическая деятельность не направлена непосредственно на систематическое получение прибыли как приоритетной цели деятельности, но тем не менее приносит доход»⁹. В.В. Ярков пишет, что «экономический характер спора проявляется не только в осуществлении предпринимательской деятельности, но и в доступе к этой деятельности, а также в предъявлении иных имущественных требований»¹⁰.

Тем не менее понятие и признаки экономического отношения до настоящего времени являются законодательно не определенными. Этот вопрос нуждается в серьезной доктринальной разработке и легальном закреплении.

В.В. Ярков правильно отмечает, что «субъектный состав сторон и третьих лиц, участвующих в деле, позволяет более точно разграничить подведомственность между двумя органами судебной

власти: судами общей юрисдикции и арбитражными судами»¹¹. По причине того, что осуществлять предпринимательскую деятельность граждане могут, лишь действуя в правовом статусе индивидуального предпринимателя, а организации — с условием выполнения всех соответствующих требований по государственной регистрации, субъектный критерий может и должен быть использован в качестве прикладного к предметному, и судья, принимая исковое заявление, должен убедиться в том, что заявитель должным образом легитимировал и себя, и ответчика по делу как субъектов предпринимательской деятельности.

Если же выяснится, что предпринимательскую деятельность осуществляет лицо (физическое или юридическое), которое в соответствии со своей гражданской правоспособностью не вправе ее осуществлять, то арбитражные суды должны реализовывать свое право выносить частные определения и таким образом сигнализировать об обнаруженных признаках состава преступления в компетентные органы.

⁹ Арбитражный процесс : учебник для студентов юридических вузов / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 99. (Автор главы Т.К. Андреева.)

¹⁰ Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов / А.В. Абсалямов, И.Г. Арсенов, Е.А. Виноградов ; под ред. В.В. Яркова. М., 1998. С. 43. (Автор главы В.В. Ярков.)

¹¹ Там же. С. 41. (Автор главы В.В. Ярков.)

Литература

1. Абова Т.Е. Избранные труды / Т.Е. Абова. Москва : Статут, 2007. 1132 с.
2. Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов / А.В. Абсалямов, И.Г. Арсенов, Е.А. Виноградов ; под редакцией В.В. Яркова. Москва : Юрист, 1998. 479 с.
3. Арбитражный процесс : учебник для студентов юридических вузов / под редакцией М.К. Треушникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Городец, 2005. 668 с.
4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; с предисловием и под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 441 с.
5. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 573 с.
6. Каллистратова Р.Ф. Избранные труды по арбитражному и гражданскому процессам / Р.Ф. Каллистратова. Краснодар : Советская Кубань, 2007. 768 с.
7. Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав / Е.В. Михайлова // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 28–37.
8. Рожкова М.А. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе / М.А. Рожкова // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59.
9. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство в арбитражных судах / Е.В. Слепченко // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 9–14.

Курочкин**Сергей Анатольевич,**

доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук
kurochkin@el.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-14-18

Правила о судебных расходах как средства обеспечения эффективности гражданского и арбитражного процесса

Управление издержками судебного разбирательства является важным условием эффективности гражданского и арбитражного судопроизводства. Установленные процессуальным законом правила, определяющие объем судебных расходов и порядок их распределения между лицами, участвующими в деле, могут стать действенным средством обеспечения эффективности гражданского и арбитражного процесса.

Ключевые слова: эффективность, судебное разбирательство, издержки, судебные расходы, результативность и экономичность.

Действенным средством повышения эффективности обращения в суд, судебного разбирательства и проверочных производств является управление судебными издержками. Важную роль в обеспечении эффективности судебной деятельности играют правила о судебных расходах. Неудивительно, что базовая теория эффективности судебного разбирательства, разработанная специалистами в сфере экономического анализа права, включает анализ издержек, связанных с разрешением дела в суде. К их числу принято относить все виды издержек судебного разбирательства, судебных расходов, а также издержки ошибочных судебных решений. Во многих юрисдикциях проблематике судебных расходов уделяется самое серьезное внимание¹.

Роль судебных расходов в оптимизации гражданского судопроизводства в отечественной процессуальной доктрине представляется недооцененной. Вместе с тем общеизвестно, что «высокие расходы, в аспекте того, что одна или обе стороны вынуждены их понести, создают основное препятствие в доступе к правосудию»². Во всем мире вторая половина XX в. сопровождалась поиском механизмов оптимизации судебных расходов, рационализации их распределения между победившей и проигравшей сторонами судебного про-

цесса, объединения усилий лиц, нуждающихся в защите права, в несении судебных расходов. Стоит, однако, поддержать А.И. Приходько в том, что качественное правосудие, обеспечивающее эффективную правовую защиту при справедливом судебном разбирательстве в разумный срок, объективно не может быть дешевым³.

В состав общих издержек, связанных с судебным разбирательством, принято включать расходы участников судебного разбирательства на разрешение их дела в суде, а также издержки, которые несет государство на содержание судебной системы. Участники судебного процесса вынуждены расходовать ресурсы на разрешение своего дела. Для сторон такие расходы — это издержки обмена экономическими благами, связанные с соблюдением либо достигнутых договоренностей, либо принимаемых сторонами установленных государством правил. Как известно, чистая выгода от обмена дисконтируется издержками оценки и контроля за соблюдением соглашения и потерь из-за несовершенства такого контроля⁴. По этой причине издержки, связанные с принудительным исполнением условий обмена благами (к числу которых относятся и судебные расходы), нередко рассматриваются в качестве разновидности транзакционных

¹ См., напр.: Кудрявцева Е.В. Тенденции развития английского гражданского процессуального права после принятия правил гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 174; и далее.

² Cappelletti M., Garth B. Access to Justice: the Newest Wave in the Worldwide Movement to Make Rights Effective // Buffalo Law Review. 1978. Vol. 27. P. 188.

³ Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005. С. 35.

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера; отв. за выпуск книги Н.А. Горелик. М., 1997. С. 49.

издержек. Повышение качества гражданского судопроизводства как механизма, обеспечивающего реализацию правовых предписаний, снижает потери от несовершенства контроля и его частные издержки.

Уже не первый год ученые и практики предлагают изменить размеры государственной пошлины, уплачиваемой при обращении в суд. Экономически целесообразно, по мнению А.А. Иванова, чтобы размер пошлины примерно соответствовал стоимости судебного разбирательства для федерального бюджета. Кроме того, размер пошлины мог бы быть существенно дифференцирован в зависимости от инстанции, в которой рассматривается дело, повышаясь по мере движения дела по инстанциям, что защитит суды от наплыва профессиональных сутяжников⁵. Весьма перспективное, но трудно реализуемое предложение. Невозможно заранее предсказать бюджетные расходы на разбирательство конкретного дела в суде — слишком много факторов объективного и субъективного порядка, влияющих на продолжительность и сложность процесса, требуют учета. Усредненное значение, исчисляемое от цены иска, редко коррелирует с реальными затратами. И, напротив, весьма перспективным представляется предложение о том, что размер пошлины необходимо существенно увеличивать по мере продвижения дела по инстанциям. Подобные меры являются действенным средством рационализации судебного процесса.

Подчеркнем, что ни в одной стране мира расходы сторон на разрешение их дела в суде сегодня не покрывают затраты на содержание судебной системы. В доктрине отмечено, что общество будет принимать на себя расходы для того, чтобы получить судебное уточнение применяемых правил, восполнить пробелы регулирования, разрешить противоречия между различными нормами, а также адаптировать их к развивающимся социально-экономическим обстоятельствам⁶. Соблюдение социальных обязательств государства, публичный интерес в разрешении дела, поддержка слабой стороны — вот лишь немногие из

факторов, определяющих принятие государством на себя значительной, а нередко и основной доли издержек судебного разбирательства. Изменение пропорции в сторону государственного финансирования оправдано и тогда, когда общество заинтересовано в подаче иска лицом, чьи права и законные интересы ущемляются. И, напротив, коммерческий характер отношений сторон, отсутствие связи с местом рассмотрения дела (например, при рассмотрении дел между иностранными лицами, заключившими пророгационное соглашение по правилам ст. 404 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), ст. 249 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)), стремление снизить количество исков для недопущения злоупотребления правом, могут стать основанием для отнесения всех судебных издержек на стороны процесса. Опыт рассмотрения споров в коммерческих арбитражах свидетельствует о возможности полного финансирования участниками разбирательства дела по существу.

Значительным потенциалом в повышении эффективности судопроизводства обладают меры по оптимизации распределения издержек судебного разбирательства между государством и участниками производства по делу. Возможно, эффективная пропорция в данном случае не может быть статичной. Как представляется, такое соотношение, основанное на Парето — оптимальном распределении трансакционных издержек принудительного исполнения установленных правил между государством и частными лицами, может дифференцироваться в зависимости от категории дела, его социальной значимости, характера спора и статуса его сторон.

Зависимость между объемом расходов, которые стороны тратят на судебное разбирательство, и качеством разрешения дела может быть проанализирована с применением современных методов исследования эффективности права. Такой анализ необходим для поиска оптимального уровня судебных расходов и создания системы стимулов его достижения. Подобное исследование проходит на фоне двух основных условий. Первое из них — это двусторонняя монополия (а иногда олигополия) в отношениях сторон судебного процесса. Это обстоятельство вынуждает любую из сторон при принятии решения

⁵ Иванов А.А. О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 56.

⁶ Georgakopoulos N. Principles and Methods of Law and Economics: Basic Tools for Normative Reasoning: Enhancing Normative Analysis. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 105.

об оптимизации своих судебных расходов учитывать фактор влияния таких изменений на расходы другой стороны. Р. Познер отмечал, что любое решение о расходах, принимаемое одной стороной, влияет на решение о расходах, принимаемое другой стороной, изменяя вероятность, а стало быть, и ожидаемую ценность исхода, благоприятного для другой стороны, во многом подобно тому, как любое изменение цены или объема выпуска олигополистом изменяет оптимальную цену и выпуск его соперников⁷. Экономический анализ позволяет определить границу, за которой стороны не станут корректировать частные издержки разрешения дела в суде. Стоит отметить, что судебные расходы, которые можно считать продуктивными, — это главным образом расходы, связанные с представлением суду необходимых доказательств. По этой причине в состав издержек судебного разбирательства при расчете эффективности судебной защиты необходимо включать не только расходы, обозначенные в процессуальном законодательстве, но также и все иные издержки, которые сторона вынуждена понести в связи с поиском доказательств, их представлением в суд и надлежащей фиксацией фактов, необходимых для правильного разрешения дела. Примечательно, что именно такие разьяснения были даны Верховным Судом Российской Федерации — расходы, понесенные истцом в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости⁸.

Еще одно условие — это влияние роста расходов сторон на достижение социальной цели гражданского судопроизводства. Как отмечается, чрезмерные расходы на разбирательство необязательно могут быть бесполезными с социальной точки

зрения в отличие от частной, поскольку они увеличивают вероятность правильного решения, обеспечивая предоставление большего количества информации судебному органу⁹. Как следует поступить в этом случае законодателю? Стимулировать чрезмерные расходы на разбирательство, ограничивать их либо занять нейтральную позицию, не препятствуя заинтересованным сторонам? Нужно ли компенсировать такие расходы за счет бюджета либо путем их присуждения в полном объеме с проигравшей стороны? Ответы на эти вопросы не могут быть поспешными и должны учитывать категорию дела и субъектный состав лиц, в нем участвующих.

Фактор компенсации судебных расходов является предметом многочисленных исследований с применением методов *law and economics*. Серьезное внимание уделяется проблемам полноты такой компенсации, ее стимулирующему эффекту для побочных судебных разбирательств, влиянию на рост количества апелляций, сдерживанию нерасположенных к риску потенциальных истцов и многим другим¹⁰. Стоит отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает возмещение судебных расходов в качестве существенного элемента механизма восстановления нарушенных или оспоренных прав, в том числе находящихся под защитой ст. 42 Конституции Российской Федерации¹¹.

Еще одним направлением оптимизации судопроизводства может стать подбор процессуальных средств экономии судебных расходов. В ряде случаев их использование императивно определено законодателем в целях директивной рационализации (например, ст. 30 ГПК РФ, ст. 248 АПК РФ), в иных случаях процессуальный закон предоставляет сторонам право выбора альтернатив для оптимизации объема их расходов (примером может послужить подсудность по выбору истца либо договорная подсудность).

⁹ Познер Р. Указ. соч. С. 760.

¹⁰ См. подр.: Там же. С. 769–774.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Познер Р. Экономический анализ права : в 2 т. / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 1. С. 760.

⁸ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.

КУТУВХОНА
 Инвентар № 20 йил

В доктрине указано, что многие процессуальные нормы необходимо рассматривать как разработанные для увеличения продуктивности расходов сторон на судебное разбирательство¹². К их числу принято относить нормы, освобождающие сторону от доказывания общеизвестных фактов, нормы законодательства об объединении исков и сторон (например, правила объединения требований в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц) как в добровольном, так и в обязательном порядке, а также правила, касающиеся заявления встречного иска¹³. Приведенный перечень, безусловно, не является исчерпывающим.

В первую очередь среди процессуальных правил, нацеленных на экономию расходов сторон на судебное разбирательство и повышение эффективности судопроизводства, можно отметить нормы, оптимизирующие процесс доказывания и повышающие его результативность. К их числу можно отнести правила, сокращающие издержки доказывания факта без изменения его доказательственной ценности. Прежде всего, это нормы, освобождающие сторону от доказывания общеизвестных и преюдициально установленных фактов (ч. 1–4 ст. 61 ГПК РФ, ч. 1–4 ст. 69 АПК РФ), правила, допускающие признание фактов (ч. 3, 3.1 ст. 70 АПК РФ) и заключение сторонами соглашений по фактическим обстоятельствам дела (ч. 2 ст. 70 АПК РФ). Во всех перечисленных случаях при сохранении доказательственной ценности факта снижаются издержки на его доказывание сторонами. Экономии расходов сторон должны способствовать и нормы ч. 5 ст. 61 ГПК РФ и ч. 5 ст. 69 АПК РФ, освобождающие от доказывания обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия. Заметим, однако, что перечисленные правила не всегда приводят к снижению общих расходов на получение всего комплекса доказательств по делу, с уверенностью можно говорить лишь об увеличении продуктивности таких расходов.

Стимулами к оптимизации доказывания и повышению его результативности являются правовые презумпции, сдвигающие бремя доказывания обстоятельств,

имеющих значение для правильного разрешения дела, а также правила, перераспределяющие общие обязанности по доказыванию. Полагаем, что стимулирующее воздействие таких норм выходит за пределы судебного процесса и влияет на поведение рациональных сторон правоотношения с самого его начала, вынуждая задумываться о доказательственной базе для возможного судебного разбирательства.

Отметим, что к числу норм, нацеленных на экономию судебных расходов сторон, относятся и правила, ограничивающие использование определенных средств доказывания в конкретных случаях. Так, как известно, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (ч. 1 ст. 162 Гражданского кодекса Российской Федерации). Снижению издержек процессуальной формы и повышению эффективности судебной защиты способствовали бы, на наш взгляд, и нормы, стимулирующие стороны к использованию в большей степени прямых, но не косвенных доказательств.

Экономии расходов на судебное разбирательство способствуют и правила, нацеленные на рассмотрение в одном производстве всех возможных требований и возражений сторон одного правоотношения (ст. 151 ГПК РФ, ст. 130 АПК РФ). Такие нормы сокращают как частные, так и социальные издержки разбирательства дела в суде. Выгоды от совместного рассмотрения всего спектра требований очевидны. Целый ряд процессуальных норм формирует стимулы для сторон к максимально активному участию в доказывании тех или иных фактов и своевременному раскрытию доказательств в суде первой инстанции. В их числе требования о раскрытии доказательств до начала судебного заседания (ч. 3 ст. 65 АПК РФ, ст. 149 ГПК РФ), правила, ограничивающие представление новых доказательств в суд апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ, ч. 2 ст. 268 АПК РФ). Стоит отметить, что процессуальные правила, стимулирующие стороны к представлению доказательств на максимально ранней стадии, позволяют предельно сблизить оценку истцом и ответчиком вероятности выигрыша дела, что, в свою очередь, является важным условием мирного урегулирования

¹² Познер Р. Указ. соч. С. 760.

¹³ См. подр.: Там же. С. 760–762.

спора, расширяет сферу поиска возможных вариантов компромисса. Серьезным стимулом для лиц, участвующих в деле, является и принцип эстоппель, выработанный практикой. Утрата права на несвоевременные возражения о неподсудности, недействительности арбитражного соглашения, на предъявление новых требований и изменение правовой позиции становится «неявной ценой» оппортунистического поведения в процессе.

Иногда нормы, обеспечивающие снижение издержек судебного разбирательства, могут давать побочный эффект в виде увеличения количества таких разбирательств. Так, например, правила об обязательном заявлении встречных требований в одном производстве сокращают сферу договорного урегулирования спора и порождают новые иски. Р. Познер, указывая на это обстоятельство как на общую проблему процессуальной эффективности, отмечал, что мера, предназначенная для снижения издержек судебного разбирательства, может увеличить их за счет увеличения количества разбирательств¹⁴.

И, наконец, правила о судебных расходах формируют действенные стимулы к примирению. О.Н. Здрок отмечает, что в вопросах стимулирования субъектов правовых отношений к участию в прими-

рительных процедурах предпочтительно использовать экономические механизмы, в том числе: частичное освобождение от оплаты государственной пошлины при заявлении о проведении примирительной процедуры; частичный возврат государственной пошлины в случае урегулирования спора; возложение обязанности несения судебных расходов на сторону, необоснованно отказавшуюся от участия в примирительной процедуре¹⁵. По общему правилу снижение издержек примирения стимулирует рационально действующие стороны к отказу от более затратного судебного разбирательства.

Обобщая сказанное, отметим, что управление судебными издержками может и должно рассматриваться в качестве действенного средства обеспечения эффективности гражданского и арбитражного судопроизводства, их результативности и экономичности. Экономическая природа таких издержек позволяет использовать современные методы исследования эффективности права при подготовке и принятии правил, касающихся судебных расходов и иных видов издержек, возникающих в связи с разбирательством дел в суде.

¹⁴ Там же. С. 762.

¹⁵ Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2019. С. 25.

Литература

1. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореферат диссертации доктора юридических наук / О.Н. Здрок. Минск, 2019. 52 с.
2. Иванов А.А. О путях повышения эффективности правосудия / А.А. Иванов // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 53–65.
3. Кудрявцева Е.В. Тенденции развития английского гражданского процессуального права после принятия правил гражданского судопроизводства / Е.В. Кудрявцева // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 173–185.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; перевод с английского А.Н. Нестеренко ; предисловие и научное редактирование Б.З. Мильнера ; ответственный за выпуск книги Н.А. Горелик. Москва : Начала, 1997. 180 с.
5. Познер Р. Экономический анализ права. В 2 томах. Т. 1 : перевод с английского / Р.А. Познер ; под редакцией В.Л. Тамбовцева. Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. 544 с.
6. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 672 с.

References

1. Cappelletti M. Access to Justice: The Newest Wave in the Worldwide Movement to Make Rights Effective / M. Cappelletti, B. Garth // Buffalo Law Review. 1978. Vol. 27. P. 181–292.
2. Georgakopoulos N. Principles and Methods of Law and Economics: Basic Tools for Normative Reasoning: Enhancing Normative Analysis / N. Georgakopoulos. New York : Cambridge University Press, 2005. 378 p.

Мирошниченко**Мария Николаевна,**

начальник первого отдела (зонального) кассационно-надзорного управления Главного гражданско-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук
mips81@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-19-23

О реализации прокурорами полномочий по защите в судебном порядке прав инвалидов

В статье рассматривается практика работы прокуроров по защите в судебном порядке прав инвалидов. Особое внимание уделено вопросам защиты трудовых и жилищных прав данной категории граждан. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство в части расширения полномочий прокурора для повышения эффективности работы по защите социально уязвимых категорий граждан.

Ключевые слова: прокурор, иск, права граждан, инвалиды.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» одной из целей деятельности органов прокуратуры является защита прав и свобод человека и гражданина. Согласно п. 2 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» задачами участвующего в гражданском и административном судопроизводстве прокурора является защита и реальное восстановление нарушенных прав граждан, неопределенного круга лиц, государства.

В то же время инвалиды являются категорией граждан, особенно нуждающейся в защите государства. При этом в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹ целью государственной политики в данной сфере является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров Российской Федерации.

Обеспечение при реализации функций органов прокуратуры защиты в судебном порядке социально уязвимых категорий граждан также отражено в международных документах, определяющих международно-правовые стандарты в этой сфере.

Так, в соответствии с общими рекомендациями относительно стандартов участия прокуроров в производстве по делам, не связанным с уголовным преследованием, которые отражены в заключениях Консультативного совета европейских прокуроров (далее — КСЕП) № 3 «О роли прокурора вне уголовно-правовой сферы» (2008 г.), № 9 «Европейские нормы и принципы, касающиеся прокуроров» (Римская хартия) (2014 г.), Бордосской декларации «Судьи и прокуроры в демократическом обществе» (совместное заключение КСЕП и Консультативного совета Европейских судей № 4/12 (2009)), прокуроры должны уделять особое внимание защите социально уязвимых групп населения, в том числе инвалидов, а также тем сферам, где затрагиваются основополагающие права человека (личная свобода, неприкосновенность частной жизни, защита собственности и т.д.).

С учетом данных требований в российском процессуальном законодательстве определены основные положения, а также полномочия прокурора по защите прав граждан, общества и государства в судебном порядке, где указаны основания для его обращения в суд, а также цели участия в делах.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. То есть прокурор вправе обратиться в суд

¹ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

с заявлением в защиту прав и законных интересов инвалидов как социально уязвимой категории граждан.

Среди выявленных проблем в данной сфере, потребовавших прокурорского вмешательства в виде обращения в суды с исками: необходимость оборудовать сайты в сети Интернет версиями для слабовидящих, защиты жилищных, трудовых прав инвалидов, в том числе по созданию или выделению рабочих мест в счет установленной квоты для инвалидов, необходимость обеспечения получения медицинской, социальной помощи, в том числе обеспечения средствами реабилитации или выплаты денежной компенсации, обеспечения беспрепятственного доступа к объектам социальной, транспортной инфраструктуры и другое.

В целом сложилась положительная практика рассмотрения судами дел по искам прокурора данной категории. Однако имеется ряд вопросов правоприменительного характера, требующих дополнительного внимания прокуроров, в связи с чем необходимо подробнее остановиться на некоторых делах в данной сфере.

К примеру, прокуратурой Байкаловского района Свердловской области выявлено, что на официальном интернет-сайте МУП «Служба заказчика» отсутствует текстовая гиперссылка для перехода на версию сайта для слабовидящих, а также альтернативный веб-сайт. Прокурором в суд направлено исковое заявление к предприятию о возложении обязанности оборудовать сайт версией для слабовидящих и гиперссылкой для перехода на версию сайта в сети Интернет для слабовидящих в соответствии с требованиями федерального законодательства. Требования прокурора судом удовлетворены.

Прокурор г. Кировграда в ходе проверки выявил, что в АО «Кировградский завод твердых сплавов» нарушены требования законодательства о социальной защите инвалидов. Размер установленной квоты на заводе составляет 34 человека, однако из этого количества трудоустроено только 19 лиц указанной категории. При этом в нарушение требований законодательства для целей трудоустройства инвалидов выделено только одно вакантное рабочее место. Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц к

обществу о возложении обязанности по созданию или выделению рабочих мест для трудоустройства инвалидов в счет установленной квоты. Требования прокурора судом удовлетворены.

Сухоложский городской прокурор Свердловской области обратился в суд в интересах С., являющегося инвалидом и ветераном боевых действий в Афганистане, к администрации городского округа Сухой Лог о возложении обязанности обеспечить подключение жилого дома, предоставленного С. по договору социального найма, к инженерным сетям электроосвещения, хозяйственно-питьевого и горячего водоснабжения, водоотведения, газоснабжения и отопления, устранить недостатки, допущенные при строительстве жилого дома. Решением суда в удовлетворении требований прокурора отказано. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами прокурора, изложенными в апелляционном представлении, решение суда отменил, требования прокурора удовлетворил, указав, что в указанном доме, построенном за счет средств федерального бюджета для предоставления льготникам, фактически возможность проживания отсутствует в связи с отсутствием подключения к инженерным сетям.

Особого внимания прокуроров заслуживают вопросы защиты жилищных прав детей-инвалидов².

В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

² См. также: Васильева Н.А., Кондратьева Е.Б. Вопросам социальной защиты инвалидов — особое внимание прокуроров // Законность. 2019. № 11; Шепетков В.В. Надзор за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан // Законность. 2019. № 8 (1018); Орехова О.И. Аспекты надзора за исполнением законодательства об инвалидах // Законность. 2018. № 8 (1006); Мягкова Е.В. Надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних // Законность. 2019. № 4 (1014).

В силу п. 3 ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ перечне, в том числе в перечисленных в данной статье случаях при проживании в семье больного, страдающего тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно.

Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержден Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 987н³.

Несмотря на имеющиеся правовые гарантии прав детей-инвалидов на жилище, органы государственной власти и местного самоуправления не всегда принимают меры по их реализации, допуская нарушения требований действующего законодательства, что препятствует созданию в семьях необходимых условий для нормального развития ребенка.

Анализ судебной практики в этой сфере показывает, что, как правило, иски прокурора в интересах этой категории граждан о предоставлении жилья удовлетворяются. Однако имели место случаи, когда иски удовлетворялись частично, поскольку суды приходили к выводу о предоставлении жилого помещения вне очереди в расчете лишь на самого ребенка и на одного из его родителей. При этом не учитывалось наличие в семье других малолетних детей, а также то, что на учет в качестве нуждающихся принята вся семья. При этом раздельное проживание с членами семьи негативно скажется на здоровье и жизнедеятельности ребенка-инвалида, в том числе нарушит его право жить и воспитываться в семье, общаться с братьями и сестрами, создаст препятствия для реализации его родителями своих прав и выполнения родительских обязанностей.

К примеру, прокурор Учалинского района Республики Башкортостан обратился в суд в интересах семьи, имеющей несовершеннолетнего ребенка-инвалида, страдающего заболеванием, входящим в вышеуказанный перечень, о предоставлении жилого помещения на семью. Мать и ребенок проживают в доме, где также зарегистрированы бабушка и дядя несовершеннолетней. Семья состоит на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий во внеочередном порядке, однако жильем не обеспечена. Требования прокурора удовлетворены. При вынесении данного постановления суд принял во внимание позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), изложенную в Постановлении от 22 января 2018 г. № 4-П, о конституционно-правовом смысле п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, являющуюся общеобязательной и исключающей любое иное его истолкование в правоприменительной практике. Конституционный Суд РФ указал, что данная норма сама по себе не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, с учетом необходимости проживания в нем также его родителей и других членов семьи, если исходя из обстоятельств конкретного дела их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество, и при наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Приведенная судебная практика по делам указанной категории показывает, что прокурорами достаточно эффективно используются полномочия для защиты прав инвалидов в судебном порядке. Вместе с тем имеются случаи, когда обеспечение защиты социально уязвимых категорий граждан в полной мере невозможно с учетом имеющихся ограничений полномочий прокурора, определенных в ст. 45 ГПК РФ, что указывает на необходимость внесения изменений в процессуальное законодательство.

Полномочия прокурора в гражданском процессе определены в ст. 45 ГПК РФ,

³ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 987н «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире» // Российская газета. 2013. 25 февраля.

в соответствии с ч. 1 которой прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

В силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, восстановлении на работе, возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий.

То есть законодателем определены конкретные формы участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве. При этом, обращаясь в суд с иском заявлением в интересах гражданина (процессуальный истец) либо вступая в процесс для дачи заключения по делу, прокурор является лицом, участвующим в деле в смысле ст. 34 ГПК РФ, с правом последующего обжалования состоявшегося судебного постановления.

Вместе с тем на практике возникают ситуации, когда гражданин, который фактически относится к категории лиц, в интересах которых прокурор вправе обратиться в суд с заявлением (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ), самостоятельно обратился в суд с иском. Полагая, что вынесенное судебное постановление является незаконным и нарушает его права, он просит прокурора защитить его интересы в суде на других стадиях рассмотрения дела. Не исключено и наступление в ходе рассмотрения дела обстоятельств, когда гражданин фактически становится лицом, которое нуждается в правовой помощи в смысле ч. 1 ст. 45 ГПК РФ (к примеру, в случае наступления инвалидности). При этом если дело не относится к категории дел, перечисленных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, а изначально исковое заявление в суд прокурором не направлялось, прокурор лишен возможности защитить права такого гражданина на последующих стадиях рассмотрения дела.

Так, из жалобы Н., являющейся инвалидом-колясочником, прокурору стало известно о вынесении Магаданским городским судом решения, которым отказано в удовлетворении иска заявителя к мэрии города Магадана о возложении

обязанности представить по договору социального найма изолированное, благоустроенное, отвечающее условиям доступности для инвалида-колясочника жилое помещение, расположенное в городе. Прокурором принесено апелляционное представление об отмене названного решения, которое судом возвращено в связи с отсутствием у прокурора законных полномочий по участию в споре. В целях реализации права заявительницы на обжалование незаконного судебного решения прокуратурой оказана консультативная помощь по подготовке апелляционной жалобы, которая судом апелляционной инстанции удовлетворена, жилье инвалиду-колясочнику предоставлено.

При этом в положении лица, которое по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может само защищать свои права, может оказаться и ответчик по делу, а также иное лицо, права которого нарушены оспариваемым судебным постановлением и который не согласен с судебным актом. Требование о необходимости обеспечения в равной степени защиты прав и законных интересов всех категорий граждан, а также участников судебного процесса в полной мере соответствует позиции Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал в своих постановлениях, что право на судебную защиту, являясь одновременно гарантией и средством обеспечения всех других прав и свобод, является неотчуждаемым, должно отвечать требованиям справедливости, а также предполагает наличие институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяют его реализовать в полном объеме на основе равенства всех перед законом и судом (Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 № 2-П, Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 10-0-0, Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2014 № 8-П, Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2010 № 296-О-П и др.).

В связи с чем, полагаем, что необходимо внести изменения в ст. 45 ГПК РФ, дополнив ее ч. 4, в которой предусмотреть, что «при наличии обращения гражданина, права которого нарушены состоявшимся судебным актом и который не может сам защищать свои права в суде по состоянию

здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам, прокурор вправе обжаловать любое судебное постановление по делу». Аналогичные изменения необходимо внести в ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, дополнив ее ч. 8.

Таким образом, полагаем, что реализация полномочий прокурора в данной

сфере должна строиться с учетом необходимости обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов граждан, которые в силу физических особенностей не в состоянии самостоятельно защитить свои права и законные интересы. Для решения данной задачи также имеется необходимость внесения изменений в действующее процессуальное законодательство.

Литература

1. Васильева Н.А. Вопросам социальной защиты инвалидов — особое внимание прокуроров / Н.А. Васильева, Е.Б. Кондратьева // Законность. 2019. № 11. С. 23–25.
2. Мягкова Е.В. Надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних / Е.В. Мягкова // Законность. 2019. № 4 (1014). С. 23–25.
3. Орехова О.И. Аспекты надзора за исполнением законодательства об инвалидах / О.И. Орехова // Законность. 2018. № 8 (1006). С. 15–17.
4. Щепетков В.В. Надзор за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан / В.В. Щепетков // Законность. 2019. № 8 (1018). С. 42–44.

Абдуллина

Валерия Александровна,

аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юрист ООО «Фольксваген Банк РУС»
vanikulina@hse.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-23-28

Споры в сфере киберспорта: вопросы *forum conveniens*, эффективных процедур и обеспечительных мер

Статья посвящена поиску оптимальных институтов и процедуры разрешения киберспортивных споров. Анализируя особенности данной отрасли, существующие институты, автор предполагает, что необходима дифференциация споров по субъектному критерию на споры с профессиональными участниками (ESIC) и с пользователями (государственные суды). По итогам рассмотрения действующих процессуальных механизмов автор приходит к выводу о применимости процедуры обеспечительных мер в киберспорте в качестве превентивного инструмента, способного обеспечить эффективное функционирование ограничительных средств в процессуальной форме.

Ключевые слова: киберспорт, киберспортивные споры, компетентный суд, арбитраж, ESIC, ESL, обеспечительные меры.

В рамках глобального тренда на цифровую трансформацию общественных отношений стремительное развитие получила отрасль киберспортивных игр.

За последний год, благодаря пандемии и сопутствующему ей росту популярности онлайн-игр, был обновлен рекорд по числу активных пользователей одной

из цифровых платформ Steam, который составил около 120 млн игроков в месяц, при этом одновременно сервисом пользовались 26,4 млн пользователей¹. Капитализация мирового рынка видеоигр к 2020 г. превысила прогнозируемые показатели на 23,9%² и, по данным аналитического агентства Newzoo, составила 159,3 млрд долл.³

Однако если в вопросах игровых баталий продумана каждая деталь, то относительно поля битвы и оружия для юридических сражений, в которых участники правоотношений в сфере киберспорта смогут защищать свои законные интересы, наблюдается правовая неопределенность.

Представляется важным рассмотреть институты, в которых в настоящее время рассматриваются споры в сфере киберспорта, оценить их эффективность, определить основные черты таких споров и вынести предложения относительно компетенции суда, дифференциации типов споров внутри киберспортивной отрасли, определить надлежащие процедуры и процессуальные механизмы.

Прежде всего, стоит начать с определения наиболее актуальных предметов киберспортивных споров: споры разработчиков игр и организаторов турниров относительно правил матчей; политика привлечения к ответственности за игровые нарушения; реализация игровых товаров в виртуальных маркетах и последующий обмен среди игроков; вопросы функционирования киберспортивных команд и организаций; споры, связанные

с модификацией программного обеспечения, использованием чит-кодов; проведение стримингов и др.

Что же будет являться *forum conveniens* для таких споров? Отвечая на этот вопрос, необходимо уделить внимание особенностям правоотношений в рассматриваемой сфере.

Киберспорт — это, прежде всего, онлайн-индустрия цифровых развлечений, и по самой своей природе она, во-первых, является международной, поскольку участники правоотношений распространены по всему миру: подавляющее большинство споров будут иметь международный аспект, который требует более широкого и гибкого юридического подхода, а возможно, и международных договоренностей. Споры по поводу *lex fori* и «неудобном месте для рассмотрения дела» могут добавить нежелательный уровень сложности и затрат, если юрисдикция не ясна с самого начала.

Во-вторых, зачастую вопросы, необходимые для разрешения в данной отрасли, требуют срочного реагирования, этого может быть трудно добиться в некоторых национальных судах в традиционных процедурах, сроки рассмотрения дел в которых зачастую длительны, однако нельзя отрицать наличия рабочих процессуальных инструментов для ускоренного реагирования со стороны судебных органов.

В-третьих, стоит учитывать, что большинство нарушений прав в киберспорте в настоящее время носит латентный характер, особенно если они касаются пользователей. Например, игроки одной из самых популярных компьютерных игр CS:go редко обращаются за защитой своих прав в судебные или внесудебные органы в случае блокировки аккаунтов, получения бана или пропажи дорогостоящих скинов, пользовательские правила не содержат прозрачной информации о процедурах применения санкций внутри игры, не понятны алгоритмы приведения данных санкций в исполнение, что осложняет процесс обжалования таких внутриигровых решений.

Так, например, в пользовательском соглашении Steam указано, что Valve имеет право ликвидировать аккаунт пользователя или конкретную подписку на игру за любое поведение или действие, которое

¹ Valve объявила об абсолютном рекорде Steam. 26 млн игроков одновременно. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/02/08/absolutnyj-rekord-steam-bole-26-mln-igrokov-v-seti-odnovremenno.html>

² В 2017 г., по прогнозу аналитического агентства Newzoo, капитализация мирового рынка видеоигр в 2020 г. предположительно должна была составить 128,5 млрд долл. Также предполагалось, что введение шутеров и файтинговых игр в статус официальных дисциплин спровоцирует рост доходов производителей игр и киберспортивных экосистем. См.: Сутырина Е.В. Киберспорт: право и бизнес // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 13–19.

³ Newzoo Global Games Market Report 2020. URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoo-global-games-market-report-2020-light-version> (дата обращения: 20.08.2021).

нарушает закон, представляет собой использование чит-кода или иным образом отрицательно влияет на использование Steam другими подписчиками⁴. Таким образом, закреплена широкая дискреция принятия внутренних решений относительно неподобающего использования сервиса.

В отличие от традиционных видов спорта, где Спортивный арбитражный суд в Лозанне (CAS) является основным местом для разрешения правовых споров, киберспорт является развивающейся отраслью, и пока еще ни один всеобъемлющий орган не создан для этой цели. Существуют также сомнения относительно того, подойдет ли вообще какой-либо единый орган для решения широкого спектра споров, которые могут возникнуть в связи с развитием eСпорта, поскольку спецификации разных игр могут иметь несхожую техническую составляющую, а потенциальные спорные вопросы могут находиться в плоскостях огромного количества обособленных отраслей права.

В настоящее время вся киберспортивная индустрия стоит на перекрестке под названием *jus propter in foro propter*. Рассмотрим возможные институциональные варианты разрешения киберспортивных споров.

Так, арбитраж по правилам одного из признанных международных арбитражных органов (например, LCIA, ICSID или SCC) предположительно может стать оптимальным для киберспортивных споров. Процедурный подход является более гибким, чем государственный судебный процесс, что доказывается применимостью такого механизма для многих международных коммерческих споров, в том числе многих спонсорских и лицензионных споров в мире традиционных видов спорта.

Возможность приведения в исполнение редко является проблемой благодаря Нью-Йоркской конвенции. Стороны принимают участие в выборе третейских судей, при необходимости можно обратиться за игровой или другой технической экспертизой. В некоторых арбитражных органах предусмотрены ускоренные про-

цедуры, которые потенциально могут быть адаптированы в соответствии с неотложностью дел, связанных с чит-кодами в онлайн-играх или допусками к турнирам.

Хотя это может быть быстрее и дешевле, чем национальная судебная система, время и затраты все еще могут быть отглаголиваемыми для многих игроков, команд или стартапов. Последний отчет LCIA показал, что административные расходы и арбитражные сборы для рассмотрения спора составляют около 97 000 долл. США, в среднем на процедуру отводится 16 месяцев с момента инициирования до вынесения решения⁵.

Безусловно, такая модель может подойти лишь для разрешения коммерческого спора, связанного с профессиональными субъектами, частные пользовательские споры в большей своей степени рассматривать, таким образом, экономически нецелесообразно.

Однако интересно отметить, что пользовательское соглашение Valve относительно использования Steam устанавливает следующий порядок разрешения конфликтных ситуаций: во-первых, устанавливает применимое право — штата Вашингтона, соответственно, этим будет определен *lex fori* (для пользователей за пределами ЕС), для геймеров из ЕС предлагают воспользоваться процедурой подачи жалобы во внутреннем сервисе Steam, а затем, если ситуация не разрешилась, в течение года воспользоваться процедурой онлайн-урегулирования споров на сайте Европейской комиссии⁶. Далее пользовательским соглашением устанавливается обязательный арбитраж и отказ от коллективного иска (п. 11). При этом пользовательские споры, кроме связанных с интеллектуальной собственностью, незаконным использованием, пиратством или кражами, разрешаются в порядке индивидуального арбитража по правилам проведения потребительских арбитражей Американской арбитражной ассоциации (другими подобными арбитражами за

⁵ Schedule of Costs by LCIA (effective 1 October 2020). URL: [file:///Users/lera/Downloads/LCIA %20 Arbitration%20Schedule%20of%20Costs%20-%20 Download.pdf](file:///Users/lera/Downloads/LCIA%20Arbitration%20Schedule%20of%20Costs%20-%20Download.pdf) (дата обращения: 20.08.2021).

⁶ An official website of the European Union: Online Dispute Resolution. URL: <https://ec.europa.eu/consumers/odr/main/index.cfm?event=main.home2.show&lng=EN>

⁴ Пункт 4 Соглашения подписчика Steam. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/russian/#4 (дата обращения: 20.08.2021).

пределами юрисдикции по выбору Valve — разработчика площадки). Вместе с тем Valve гарантирует возмещение расходов на подачу иска, если только арбитр не установит, что поданный иск не был необоснованным или являлся оскорбительным (до 10 тыс. долл.). Кроме того, соглашение содержит заверение об отказе от права рассматривать спор в суде (п. 11С).

Таким образом, если спор содержит требование более 10 тыс. долл. или иск будет признан необоснованным, то пользователь несет все экономические издержки по подаче жалобы в соответствии с правилами AAA или другого арбитражного органа, что, безусловно, является препятствием для попытки защитить свои права пользователем.

Следующим возможным вариантом рассмотрения киберспортивных споров является отнесение их к юрисдикции CAS.

В связи с тем, что в апреле 2021 г. Международный олимпийский комитет анонсировал проведение Виртуальной серии Олимпийских игр, в турнир которых планировалось включить видеоигры по бейсболу, гребле, велосипедному, парусному и автомобильному спорту, возобновились дискуссии о перспективах присоединения киберспортивных дисциплин в пул олимпийских видов спорта, следовательно, унификации подходов, выработанных для традиционных видов спорта и киберспорта в вопросах разрешения правовых конфликтов.

При сравнении традиционных видов спорта с киберспортом можно выделить следующие схожие черты: ключевые заинтересованные стороны (организаторы соревнований, игроки, болельщики, спонсоры), многие этические и юридические проблемы: допинг, мошенничество в организации турниров, в том числе проведение договорных матчей, судейские ошибки. Так, принципы справедливого и беспристрастного толкования правил FIFA для участия в турнирах чемпионата мира по футболу необязательно должны отличаться от толкования правил ESL⁷ по игровому процессу кибердисциплин.

⁷ Electronic Sports League (ESL) — международная киберспортивная организация, организатор профессиональных лиг и чемпионатов по играм любых жанров.

Специальное подразделение CAS позволяет чрезвычайно быстро разрешать споры, когда это необходимо: например, принимать решения о допуске игрока к предстоящему турниру.

Тем не менее есть несколько текущих проблем с этой площадкой разрешения споров для киберспорта: во-первых, CAS в настоящее время не имеет в своем списке арбитров, являющихся специалистами по такого рода играм, обладающих необходимым уровнем технических знаний; во-вторых, ни одна из основных заинтересованных сторон в киберспорте (разработчики компьютерных игр или организаторы турниров, киберспортивные организации) еще не подписалась на концепцию CAS как органа, принимающего юридически значимые решения; в-третьих, и сам CAS еще не признал киберспорт как вид спорта, находящийся в его компетенции; в-четвертых, эта инстанция смогла бы покрыть только споры, связанные с профессиональными игроками, киберспортивными организациями и турнирами.

Рассмотрим следующий институт разрешения киберспортивных споров. Всемирная ассоциация киберспорта (WESA) запустила Арбитражный суд по киберспорту в ноябре 2016 г. В настоящее время WESA поддерживается ESL, крупными киберспортивными командами, а также несколькими крупными разработчиками игр. Организация позиционирует себя как инклюзивную экосистему, направлением деятельности которой станет стандартизация правил, создание прозрачного и понятного правового поля для болельщиков, игроков, организаторов, вещателей и других заинтересованных лиц. В настоящее время организация ориентирована на Cs:go⁸.

В настоящее время организация не выносила значимых решений, на основании которых можно было бы справедливо судить о ее правозащитном потенциале. Вместе с тем она поддерживает определенных разработчиков игр, что ограничивает применение арбитража их конкурентами.

Альтернативой является Коалиция за честность в киберспорте (ESIC), которая

⁸ WESA General League Rules. URL: https://pro.eslgaming.com/csgo/proleague/wp-content/uploads/2019/05/WESA_Rulebook.pdf

была создана в сентябре 2015 г. и призвана обеспечить арену для решения дисциплинарных, коррупционных и допинговых проблем в киберспорте. Она приобрела легитимность, в том числе благодаря партнерству с Комиссией по азартным играм Великобритании, и работает в качестве следственного и дисциплинарного органа для организаторов турниров, включая ESL и Всемирную киберарену (WCA)⁹.

ESIC постепенно наращивает количество дел о техническом мошенничестве и, возможно, находится на пути к тому, чтобы зарекомендовать себя в качестве универсального арбитража для рассмотрения таких споров. Количество членов ESIC, а соответственно тех, кто исполняет ее решения, в настоящее время достаточно ограничено.

Представляется, что ESIC могла бы стать арбитражем для профессиональных игроков, команд, организаторов турниров и иных лиц, осуществляющих коммерческую деятельность в сфере киберспорта, поскольку уже сейчас организация имеет транспарентную процедуру, рассматривает важные споры, имеющие значение для мировых турниров по основным дисциплинам в киберспорте.

Таким образом, использование арбитражей представляется целесообразным для разрешения споров между субъектами, осуществляющими коммерческую деятельность в киберспорте. Сложившаяся практика установления обязательных пользовательских арбитражей представляется неэффективной и неперспективной, была обусловлена отсутствием должного правового регулирования в национальных законодательствах, «неповоротливостью» государственных судебных органов. Однако такая защита пользователей посредством арбитражей может быть экономически затруднительной для них, ввиду чего пользователи будут претерпевать нарушения своих прав, однако не обращаться за их защитой, а уходить в новые игры или создавать новые аккаунты, что и происходит в настоящее время.

Для гарантии защиты прав пользователей необходимо развивать действующие

процедуры в государственных судах в совокупности с нормативным регулированием, в том числе путем создания специализированных судов по аналогии с судами по защите интеллектуальной собственности, поскольку узкая специализация позволит обеспечить более высокий уровень рассмотрения споров (необходима техническая квалификация, понимание игрового процесса, знание общих характеристик игрового оборудования даже при привлечении в процесс экспертов или специалистов) и скорректировать процедурные аспекты согласно специфике отрасли.

Так, представляется справедливым при разрешении вопроса о компетентном суде дифференцировать споры по субъектному критерию на споры с профессиональными участниками (киберспортсмены, разработчики игр, цифровых площадок, киберспортивные организации, организаторы турниров, стриминговые сервисы). Следовательно, судебный орган предлагается выбирать исходя из категории споры, для первых — арбитраж (ESIC в настоящее время является наиболее эффективным институтом), для вторых — государственные специализированные суды.

Что касается процессуальной формы и конкретных судебных процедур, то особое внимание необходимо уделить потребности моментального реагирования на акты возможного правонарушения со стороны игроков либо, наоборот, защиты прав геймеров при необоснованных действиях со стороны цифровых платформ, разработчиков игровых сервисов, организаторов турниров.

В видеоиграх требуется моментальное реагирование на использование багов системы для получения нечестного преимущества в матчах, применение чит-кодов, неэтичное поведение в играх. Таким образом, внутренние комплаенс-сервисы онлайн-игр зачастую автоматически настроены на выдачу банов при каждом случае подозрительной активности.

В связи с этим для киберспортивных споров актуальным будет вопрос обеспечительных мер, и предварительных обеспечительных мер в особенности. Такие меры носят срочный и временный характер, являются неотложными, что находит

⁹ Czegledy P.K. Esports Integrity Polices // *Gaming Law Review*. 2021. Vol. 25. P. 161–170. URL: <http://doi.org/10.1089/glr2.2020.0017/>

отражение в скорой и упрощенной процедуре их установления, включая упрощенный подход к средствам и стандартам доказывания.

Все указанные особенности актуальны и для киберспортивных ограничительных мер, таких как бан, отстранение от участия в турнирах, ограничение обращения товаров в игровых маркетах, ограничение использования аккаунтов, сервисов на временной основе во время рассмотрения споров или до предъявления исков.

Так, в 2015 г. Valve установила на аккаунт профессионального игрока Элиаса Олкконена (Jamppi) VAC-бан, то есть окончательную блокировку пользователя за использование чит-кодов. Однако, по утверждению игрока, он передал аккаунт другому лицу, который воспользовался читками. В марте 2020 г. киберспортсмен подал исковое заявление в Окружной суд Уусимаа (Финляндия). Jamppi требовал Valve снять VAC-бан с его аккаунта, разрешить ему выступать на турнирах, а также выплатить денежную компенсацию. Игрок подал заявление о принятии обеспечительных мер в виде временного прекращения действия бана аккаунта на время судебного разбирательства по делу¹⁰.

В 2020 г. ESIC было проведено расследование по факту обнаружения бага с камерами, при демонстрации игровых карт тренерам во время турнира, которые видели место расположения противников, были выявлены нарушения со стороны тренерского состава некоторых команд. За это турнирный оператор отстранил 37 тренеров от участия на турнирах ESL и DreamHack на срок от полугода до двух лет. Также по решению организаторов

подлежат возвращению призовые денежные средства команд¹¹. На время расследования применялись обеспечительные меры в виде ограничения участия тренеров в турнирах.

Подводя итог попытке ответить на вопрос, что же является *jus proprium in foro proprio* для споров в сфере онлайн-игр, необходимо применять дифференцированный подход по субъектному критерию. Возможность «помирить» всех профессиональных субъектов в одном судебном или арбитражном органе представляется сложной задачей, которая стоит перед ассоциациями, занимающимися унификацией и стандартизацией подходов *fair-play* в индустрии видеоигр. Однако уже сейчас большое влияние на данный процесс имеет ESIC, подающая большие надежды на то, чтобы стать арбитражной инстанцией для профессиональных субъектов киберспорта. Вместе с тем осуществление защиты прав пользователей-потребителей представляется более эффективным и экономически доступным в государственных судах. При этом, несмотря на инновационность и новизну правоотношений, существующие процессуальные инструменты, в особенности обеспечительные меры, отвечают природе защищаемых прав участников киберспоров. В связи с чем их дальнейшее развитие и использование положительно для реальной защиты интересов игроков, разработчиков, киберспортивных организаций и организаторов турниров.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что уже в скором времени игроки киберсражений обретут правовое поле для справедливой битвы.

¹⁰ Rawat A.S. Court Decision Favours Valve in Jamppi Lawsuit // AFK Gaming. 2020. 12 November.

¹¹ Folland J. Exploitation of Coach Spectating Bug in CS:GO // eslgaming. 2020. 31 August.

Литература

1. Сутырина Е.В. Киберспорт: право и бизнес / Е.В. Сутырина // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 13–19.

References

1. Czegledy P.K. Esports Integrity Polices / P.K. Czegledy // Gaming Law Review. 2021. Vol. 25. P. 161–170. URL: <http://doi.org/10.1089/glr2.2020.0017/>
2. Folland J. Exploitation of Coach Spectating Bug in CS:GO / J. Folland // ESLgaming. 2020. 31 August.
3. Rawat A.S. Court Decision Favours Valve in Jamppi Lawsuit / A.S. Rawat // AFK Gaming. 2020. 12 November.

Старицын

Алексей Юрьевич,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института юстиции Байкальского государственного университета staritsynAU@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-29-32

Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе

В статье рассматриваются упрощенные судебные процедуры в гражданском и арбитражном процессе, приводятся статистические данные по ним. Автор, определяя их соотношение, акцентирует внимание на сходных и различных характеристиках таких процедур, применяемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Параллельно автор указывает на пробелы действующего гражданского и арбитражного процессуального законодательства, акцентирует внимание на недостатках законодательных положений. Кроме того, автором разрабатываются рекомендации по дальнейшему совершенствованию гражданско-процессуальных норм об упрощенном производстве применительно к каждой стадии арбитражного и гражданского процесса. В статье формулируется вывод о тенденции законодательства об упрощенных процедурах к унификации ключевых положений, определяющих содержание упрощенного производства. При этом унификация сопровождается элементами дифференциации, обусловленными различной подсудностью судебных органов.

Ключевые слова: упрощенное производство, арбитражный процесс, гражданский процесс, сходство и различия.

Согласно статистическим данным, учтенным Судебным Департаментом Верховного Суда Российской Федерации, всего за 2020 г. было рассмотрено в совокупности 31 051 713 гражданских и арбитражных дел. А в соответствии с данными за предыдущий, 2019, год, количество таких дел составило 27 714 573 дела¹. Это наглядно демонстрирует, что нагрузка, приходящаяся на судебную систему России, колоссальна. Очевиден и потенциал роста «судебной занятости» на 2021 г. и последующие годы.

При рассмотрении объема дел применительно к арбитражным судам и судам общей юрисдикции в отдельности представляется возможным отметить качественное различие в соотношении количества всего рассмотренных дел и количества дел, рассмотренных именно в упрощенном порядке. Так, за 2020 г. арбитражными судами было рассмотрено 1 509 290 дел, из которых почти треть — 557 926 — рассмотрена в порядке, предусмотренном главой 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)². Согласно

статистическим данным, учтенным по судам общей юрисдикции, за 2020 г. рассмотрено 20 773 356 дел, из которых лишь 190 178 дел разрешены в соответствии с положениями главы 21.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)³. Указанные итоги актуализируют вопрос соотношения действующего арбитражного и гражданско-процессуального законодательства об упрощенном производстве.

Высокие статистические показатели арбитражного процесса могут быть оправданы более длительным временем действия норм об упрощенном производстве в арбитражном процессе. Напомним, что глава 29 АПК РФ была введена в 2012 г.⁴ В то время как ГПК РФ стал оперировать упрощенным производством лишь четырьмя годами позднее⁵. И все же, полагаем, что у такого глубокого различия статистических данных должны

¹ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.09.2021).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Федеральный закон от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3439.

⁵ Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1319.

быть более весомые и качественные причины, чем длительность применения.

Не менее важную роль в столь разительном разрыве статистических данных, на наш взгляд, играет психологический аспект. Во-первых, низкая осведомленность граждан (физических лиц) не только о наличии у них возможности применения упрощенного порядка для разрешения их правовых конфликтов, но и о содержательных особенностях такой процессуальной формы. Так, в порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции преимущественно рассмотрены иски заявленные юридическими лицами, ответчиками по которым выступают физические лица. За 2020 г. количество дел, инициированных организациями, составило 88 748 от общего количества разрешенных в упрощенном порядке дел, а количество дел, инициированных гражданами, — 20 880⁶.

Во-вторых, неверие граждан в справедливость выносимого лишь на основе исследования письменных доказательств решения суда, при этом выносимого без мотивировочной части. Указанный фактор наряду с пробелами действующего процессуального законодательства создает препятствия в разрешении поставленных перед судебной системой законодателем задач.

Психологический аспект в виде достаточной правовой грамотности населения и доверия граждан статусу судебной системы имеет огромное значение. Отметим, что введение упрощенного производства направлено не только на разрешение административных проблем судебной ветви власти, но напрямую влияет на повышение доступности правосудия для граждан. Эти направления неразрывны. Следует признать важность формирования качественного правового сознания граждан нашей страны.

Однако перейдем к исследованию главного вопроса — вопроса о соотношении упрощенных производств арбитражного и гражданского процессов. В первую очередь обратим внимание на главные сходства процессуальных форм.

Существенным и наглядным сходством моделей правового регулирования упрощенного производства является минимальное количество законодательно закрепленных

норм права: в АПК РФ, как и в ГПК РФ, содержится всего четыре статьи: ст. 226–229 главы 29 АПК РФ, ст. 232.1–232.4 главы 21.1 ГПК РФ. Хотя, по-нашему мнению, лаконичность законодателя сыграла злую шутку с правоприменителями, вынужденными прибегать едва ли не по всем аспектам упрощенного производства к официальным разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ). В итоге и АПК РФ, и ГПК РФ содержат аналогичные пробелы правового регулирования.

Далее, оба рассматриваемых акта предусматривают двухмесячный срок рассмотрения и разрешения дела. И если в отношении арбитражного суда никаких вопросов не возникает, то в отношении судов общей юрисдикции положение о сроке не учитывает порядок рассмотрения дел мировыми судьями, которые априори обязаны рассмотреть дело в течение одного месяца. Следовательно, законодателю следует разрешить это несоответствие.

После поступления искового заявления суд обязан определить обоснованность применения упрощенного порядка посредством оценки исковых требований на соответствие установленным критериям. При рассмотрении положений ст. 232.2 ГПК РФ и ст. 227 АПК РФ, определяющих вероятность применения при рассмотрении дела норм об упрощенном производстве, представляется возможным отметить их схожесть в аспекте обозначения условий, оснований такого применения процессуальных норм. Во-первых, применение обязательного ценового критерия в отношении требований о взыскании денежных средств. Очевидно, что дифференциация ценового критерия по субъектному составу (800 тыс. руб. для организаций и 100 тыс. руб. для граждан) обусловлена их различными экономическими возможностями. Во-вторых, схожесть оснований выражается в применении критерия бесспорности предъявленных требований. Иными словами, требования истца должны быть основаны на документально подтвержденных денежных обязательствах, которые признаются, но не исполняются ответчиком.

Названные критерии указывают на необходимость качественного определения взаимодействия упрощенного и приказного производства. Иными словами, не обходиться лишь формулировкой «кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства», законодательно закрепить установленный официальными разъяснениями

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5459> (дата обращения: 04.09.2021).

Верховного Суда РФ приоритет приказного производства. В то же время при принципиальной схожести приказного и упрощенного производства полагаем неэффективным удвоение судебных процедур по одному и тому же делу.

Положения ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ и ч. 3 ст. 227 АПК РФ демонстрируют наивысшую универсальность в части установления условий для рассмотрения в упрощенном порядке иных дел, не соответствующих законодательно закрепленным критериям, установленным положениями п. 1 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ. Для этого требуется: во-первых, ходатайство одной стороны о рассмотрении дела в упрощенном порядке при согласии на это другой стороны либо инициатива суда при согласии на это обеих сторон; во-вторых, отсутствие обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в упрощенном порядке. Указанную возможность следует оценить положительно, однако нормы, на наш взгляд, не раскрывают момент заявления ходатайств или предоставления согласий.

Ключевым сходством упрощенных процедур российского процессуального законодательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству являются процессуальные сроки, отводимые судом для предоставления доказательств. Нельзя не принять во внимание отсутствие точности в длительности указанных сроков — законодатель использует формулировку «не менее». Полагаем, что установление точных сроков вполне логично соотносится с общим установленным двухмесячным сроком рассмотрения гражданских и арбитражных дел.

Здесь же отметим, что оба кодифицированных акта предусматривают возможность обращения в суд дистанционно. Однако в настоящее время требуется широкое применение информационных технологий в гражданском процессе. Это позволит оперативно сообщать информацию лицам, участвующим в деле, а также обеспечить платформу для своевременного обмена документами, доказательствами.

Еще одним общим элементом упрощенных процедур является вероятность перехода в общую ординарную процедуру при выявлении определенных обстоятельств. Подобный подход логичен и обоснован, поскольку оценка материально-правовых требований, подлежащих рассмотрению в упрощенном порядке, исключительно формальна. Отметим сходство в выделяемых основаниях такого перехода, к которым от-

носятся: удовлетворение ходатайства третьего лица с самостоятельными требованиями о вступлении в дело; принятие встречного иска, который не может быть рассмотрен по правилам, установленным соответствующей главой ГПК РФ или АПК РФ об упрощенном производстве; судебское усмотрение относительно двух аспектов: во-первых, дополнительное исследование доказательственной базы, а во-вторых, влияние исхода дела на права и законные интересы других лиц. Однако данный перечень не исчерпывающий: в официальных разъяснениях Верховного Суда РФ предусмотрены иные основания перехода, например, лицо не имело возможности ознакомиться с представленными другой стороной доказательствами в установленный срок. Полагаем, что конечный перечень оснований должен быть закреплен именно в законе.

Ни арбитражное, ни гражданское процессуальное законодательство не признает безусловными основаниями такого перехода несогласие ответчика на рассмотрение дела в упрощенном порядке, подачу ходатайства одной из сторон о необходимости перехода к ординарной процедуре⁷. Российское процессуальное законодательство закрепляет право, а вовсе не обязанность судебного органа рассмотреть дело в общем порядке. Следует положительно оценить подобную правовую преграду, поскольку это позволяет в полной мере реализовать назначение указанного производства. Хотя этому присущ негативный аспект — искоренение диспозитивности. В связи с этим предлагаем для сбалансированности полномочий суда и правовых гарантий предусмотреть обжалование определения суда о переходе к рассмотрению дела в общеисковом производстве, что в настоящее время не закреплено в кодифицированных актах.

Положения, регламентирующие стадию судебного разбирательства в упрощенном порядке и нашедшие закрепление в АПК РФ и ГПК РФ, преимущественно тождественны. Так, рассмотрение дел осуществляется без вызова сторон, предварительное судебное заседание и судебное заседание не проводятся.

Далее, суд по итогам исследования аккумулированных материалов выносит решение, причем не мотивированное, обходясь

⁷ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 ноября 2018 г. № Ф10-5090/2018 по делу № А62-2228/2018 // СПС «Консультант-Плюс».

только его резолютивной частью. Однако предусмотрены два случая, когда судебный орган выносит полное, мотивированное решение. Один из них связан с заявлением лиц, участвующих в деле, а второй — с подачей стороной дела апелляционной жалобы.

Упрощенные процедуры арбитражного и гражданского процесса имеют схожий порядок обжалования решений. В частности, установлен единый срок обжалования — 15 дней, который сокращен в сравнении с общим сроком. Исчисление данного срока по общему правилу осуществляется с момента принятия решения, но при составлении мотивированного решения срок начинает течь с момента принятия решения в полном объеме. Здесь отметим нелогичность положений, ведь апелляционная жалоба должна основываться на выводах суда, отраженных в решении.

Указанное позволяет прийти к выводу о том, в правилах правового регулирования упрощенных процедур в процессуальном законодательстве прослеживается тенденция к унификации норм ГПК РФ и АПК РФ⁸. Однако при этом невозможно опровергать существование элементов дифференциации, что и будет отражено далее.

Дифференциация становится очевидной уже на стадии возбуждения дела, а точнее в аспекте перечня дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства. Так, в рамках арбитражного процесса подлежат рассмотрению отдельные административные дела, например, о привлечении к административной ответственности, об оспаривании актов административных органов. А вот в рамках гражданского процесса подлежат рассмотрению требования о признании права собственности и об истребовании имущества. При этом в юридической литературе положительно оценивается включение указанного основания в перечень, закрепленный в АПК РФ⁹.

⁸ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 2.

⁹ Федяев Д.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификация или дифференциация правового регулирования // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 368.

Литература

1. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.А. Громошина. Москва, 2010. 52 с.
2. Федяев Д.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификация или дифференциация правового регулирования / Д.А. Федяев // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 366–373.

На стадии подготовки дела к судебному разбирательству представляется возможным отметить различный уровень законодательного регулирования в реализации электронного правосудия. Положения АПК РФ об упрощенном производстве идут нога в ногу с развитием технологий, предусматривая так называемое электронное правосудие (система «Мой арбитр»), включающее возможность сторон предоставить посредством электронных средств процессуальные документы в суд, которые в дальнейшем размещаются на официальном сайте арбитражного суда. В рассылаемом сторонам определении о принятии искового заявления и его рассмотрении в упрощенном порядке содержатся данные, идентифицирующие стороны и обеспечивающие их доступ к указанным документам и доказательствам. Имея соответствующие данные, стороны в состоянии своевременно ознакомиться с материалами дела без посещения здания суда, что особенно стало актуальным в условиях пандемии.

Следующее различие упрощенных процедур заключается в порядке вынесения решения судом. Отличие заключается в том, что общий порядок вынесения решения, так называемого классического, применяется согласно арбитражно-процессуальному законодательству и к делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений, подлежащим рассмотрению в упрощенном порядке (ст. 227, 229 АПК РФ).

Таким образом, проведенный анализ арбитражного и гражданского процессуального законодательства об упрощенном производстве демонстрирует то, что в правовом регулировании преобладает унификация соответствующих положений. Однако при этом сохраняется дифференцированный подход, обусловленный спецификой подведомственности судебных органов, категорий рассматриваемых правовых дел, особым субъектным составом. Выявленное сближение законодательного регулирования упрощенных судебных процедур в гражданском и арбитражном процессе представляет собой некий средний, промежуточный результат проявления тенденции формирования упрощенного производства как межотраслевого института.

Нечаев**Александр Ильич,**
доцент кафедры гражданского
процесса Уральского
государственного юридического
университета, кандидат
юридических наук
shuricn@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-33-35

Влияние правопреемства на течение сроков исковой давности

Статья посвящена взаимосвязи между материальным правопреемством и истечением сроков исковой давности, а также определением момента их начала. В статье делается вывод, что, вопреки общему правилу ст. 201 Гражданского кодекса РФ, материальное правопреемство в зависимости от того, в какой момент оно происходит, может повлиять на прерывание сроков исковой давности. Определение этого момента тесно связано с отграничением между процессуальным правопреемством и заменой ненадлежащего ответчика. Приведенные в статье примеры иллюстрируют тезис о межотраслевом характере института сроков исковой давности.

Ключевые слова: срок исковой давности, материальное правопреемство, процессуальное правопреемство, замена ненадлежащего ответчика, перерыв срока давности, исчисление сроков давности.

Осуществление судебной защиты нарушенного права допускается в пределах исковой давности, поскольку требование правовой определенности предполагает и точное знание о времени, в течение которого право может быть принудительно осуществлено. Большое значение сроки исковой давности имеют и для целей повышения дисциплинированности участников оборота¹.

Социальное значение и природа сроков исковой давности являются предметом давних дискуссий в цивилистической литературе². В сегодняшней доктрине считается признанным, что по истечении срока давности право не утрачивается само по себе, а лишь лишается возможности быть осуществленным принудительно, посредством судебной защиты, хотя такая точка зрения не является единственной³.

Как пишет К.Г. Савин, «давность иска, как и приобретательная давность, придает значение долговому несоответствию права и факта, признавая фактическое состояние»⁴. Для применения срока исковой давности важным и одним из наиболее сложно определяемых является вопрос о начале его истечения.

В литературе используются два основных критерия для определения такого срока — объективный, зависящий от момента нарушения права и, соответственно, от возникновения права на иск в материальном смысле, и субъективный, зависящий от момента возникновения осведомленности кредитора о нарушении права (причем как фактической, так и вменяемой)⁵.

Установление субъективного критерия является общим правилом для действующего российского законодательства. Кредитор должен быть осведомлен не только о факте нарушения права, но и том, кто является надлежащим ответчиком по иску. Указание на осведомленность о надлежащем ответчике введено законодателем, по-видимому, на тот случай, если характер спорного правоотношения не позволяет с очевидностью определить такое лицо в тот же момент, когда стало известно о нарушении права (например, по искам о защите права собственности или о взыскании убытков, когда неизвестен конкретный причинитель вреда).

Нельзя, однако, исключать и той ситуации, при которой истец ошибочно предъявляет иск к лицу, которое не является должником. Причины этого могут быть любыми, начиная от внутренних организационных проблем истца и заканчивая неправильным определением характера спорного правоотношения. Как писал М.А. Гурвич, «неправильно квалифицируя фактический состав иска, истец приходит к ошибочному выводу о существовании у него с ответчиком правоотношения, которого в действительности не существует, в то время как предположительно существует сходное с ним по своему объективному составу правоотношение».

¹ Гражданское право : учебник для студентов юридических высших учебных заведений : в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.] ; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Т. 1.

² См., напр.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 223 ; Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву : историко-догматическое исследование. М., 2003.

³ См. подр., напр.: Ильичев П.А. Исковая давность. Проблемы теории и правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 31 ; Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 6.

⁴ Савин К.Г. Указ. соч. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

ношение, но с другим лицом и, следовательно, иное правоотношение»⁶.

Течение срока исковой давности прерывается обращением в суд в установленном порядке и не течет все то время, пока осуществляется судебная защита права.

Вопрос о том, что считать обращением в суд «в установленном порядке», нельзя признать однозначным, однако очевидно, что ответ на него кроется в нормах процессуального права.

В частности, процессуальное право работало понятие тождества исков, которое включает в себя не только предмет и основание, но и субъектный состав, в том числе ответчика.

Является ли предъявление иска к ненадлежащему ответчику обращением в суд в установленном порядке и влечет ли это перерыв течения срока исковой давности?

В судебной практике ответ на данный вопрос сформулирован отрицательно. Так, в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 15 сентября 2020 г. по делу № А68-521/2019, указано, что «течение срока исковой давности не прерывается при предъявлении иска к ненадлежащему ответчику независимо от того, с какого момента истец узнал об отсутствии основания для удовлетворения иска». Аналогичный правовой подход сформулирован в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 31 июля 2018 г. по делу № А64-4716/2017, такой же позиции придерживаются Третий арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 22 июня 2020 г. по делу № А33-26403/2019, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлениях от 16 октября 2020 г. № Ф09-5864/20 по делу № А47-5106/2019, от 20 января 2020 г. № Ф09-8765/19 по делу № А76-1253/2019.

Представляется, что доктринальный ответ на этот вопрос должен зависеть от определения причин, которые воспрепятствовали истцу предъявить иск к надлежащему ответчику своевременно. Если это произошло по независящим от истца объективным причинам, то течение срока давности можно признать прерванным. Однако если такое обращение в суд произошло по причине ошибки или ложной убежденности, надлежащий ответчик не должен быть лишен давностной защиты.

Правопреемство в материальном праве, возникающее в силу различных оснований, влечет изменение субъектного состава правоотношения. Изменение же субъектного состава не может не оказывать влияние на осуществление судебной защиты, поскольку в зависимости от того, кто является истцом (ответчиком), может меняться суд, компетентный рассматривать дело, процессуальный порядок рассмотрения (в соответствии с Гражданским

процессуальным кодексом Российской Федерации или Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации), а также иные факторы.

В действующем законе довольно лаконично сформулировано правило о том, что перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации расширительно истолковал это положение, указав, что оно справедливо для всякого случая материального правопреемства⁷.

Кроме того, было разъяснено, что в этом случае срок исковой давности начинает течь в порядке, установленном ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), со дня, когда первоначальный обладатель права узнал или должен был узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Как видно, указанное разъяснение касается ситуации, когда правопреемство происходит на стороне кредитора. Действительно, было бы несправедливо начинать исчисление срока давности заново всякий раз, как только право было передано новому кредитору (будь то сингулярное или универсальное преемство). В таком случае срок давности можно было бы бесконечно продлевать, например, путем искусственной продажи права требования, что нарушило бы баланс интересов должника и кредитора.

Однако упомянутое постановление Пленума не содержит разъяснений относительно случаев правопреемства на обязанной стороне правоотношения.

Логично предположить, что на должника распространяется тот же порядок. В литературе высказана точка зрения, что правило ст. 201 ГК РФ применимо к обоим вариантам перемены лиц: и к уступке права требования (переходу прав требования кредитора к другому лицу), и к переводу долга (замена субъектов на стороне должника)⁸.

Следовательно, если срок исковой давности начал течь до момента правопреемства, то он продолжает течь и после него, так же как если бы правопреемства не наступило.

Однако это утверждение справедливо лишь в общем смысле. Рассмотрение частных вопросов показывает, что правопреемство все же меняет как минимум один важный элемент

⁷ Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «Консультант-Плюс».

⁸ Гражданское право: учебник для студентов юридических высших учебных заведений: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало.

⁶ Гурвич М.А. Право на иск // Гурвич М.А. Избранные труды: в 2 т. Краснодар, 2006. Т. 1. С. 230.

правоотношения — его сторону. А это, в свою очередь, влечет за собой и другие изменения. Рассмотрим две ситуации, при которых правопреемство происходит на стороне должника. В первом случае факт материального правопреемства происходит *после* обращения в суд. В этом случае новый или первоначальный должник (если речь идет о сингулярном преемстве), или новый должник (если произошло универсальное преемство, и старого должника больше нет) либо же кредитор могут самостоятельно просить суд произвести процессуальное правопреемство. В этом случае материальный правопреемник полностью заменяет своего предшественника в процессе⁹.

Во втором случае материальное правопреемство происходит *до* начала процесса. Очевидно, процессуальное правопреемство невозможно, поскольку процесса еще нет.

Как справедливо отмечает Д.Б. Абушенко, «процессуальное правопреемство имеет место лишь в том случае, если материальное правопреемство возникло после возбуждения арбитражного дела. Замена же ненадлежащего ответчика, производимая по основаниям материального правопреемства, допускается исключительно при правопреемстве, возникшем до его возбуждения»¹⁰.

Если же кредитор, невзирая на произошедшее до предъявления иска на материальное правопреемство, предъявит иск к первоначальному должнику, то можно ли считать такое обращение в суд сделанным «в установленном порядке» и, следовательно, прерывающим течение срока исковой давности к новому должнику?

Ответ на этот вопрос зависит от того, знал ли должник ли был знать кредитор о факте

правопреемства, когда он предъявлял иск. Фактическое или вмененное знание об этом лежит в основе субъективного критерия — не только начала течения срока давности, но и его *прерывания*.

Сказанное справедливо и для кредитора. И хотя современное российское законодательство не знает замены ненадлежащего истца, следует сделать вывод, что обращение в суд первоначального кредитора, который к этому моменту *уже* передал (уступил) право новому кредитору, не повлечет за собой прерыва течения срока давности.

Исходя из сказанного, возможна ситуация, при которой правопреемство в материальном праве окажет определенное влияние, в том числе и на срок давности, а именно на перерыв его течения. Еще А.А. Добровольский отмечал, что исковую давность следует считать комплексным институтом материального и процессуального права¹¹. Приведенные выше примеры можно рассматривать как яркую иллюстрацию верности этого утверждения. Правила исчисления сроков давности, содержащиеся в материальном праве, реализуясь в форме правоприменения при рассмотрении конкретных дел, учитывают юридические факты не только материального, но и процессуального права (например, надлежащий характер обращения в суд).

Таким образом, общее правило ст. 201 ГК РФ об отсутствии влияния правопреемства на срок давности и порядок его исчисления должно применяться с учетом специфики норм процессуального права, обусловленных характером судебной защиты. Прерывание течения срока давности связано не только с фактами материального права, но и с формально определенными действиями в сфере процессуального права, регулирующими порядок предъявления иска, определяющимися волей истца.

⁹ Гурвич М.А. Указ. соч. С. 254.

¹⁰ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др. ; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2020. С. 147. (Автор комментария к ст. 48 АПК РФ Д.Б. Абушенко.)

¹¹ Добровольский А.А. Исковая форма защиты. Основные вопросы учения об иске. М., 1965. С. 92.

Литература

1. Гражданское право. В 2 томах. Т. 1 : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.] ; под редакцией Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2018. 528 с.
2. Гурвич М.А. Право на иск // Гурвич М.А. Избранные труды. В 2 томах. Т. 1 / М.А. Гурвич. Краснодар : Советская Кубань, 2006. 672 с.
3. Добровольский А.А. Исковая форма защиты. Основные вопросы учения об иске / А.А. Добровольский. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1965. 190 с.
4. Ильичев П.А. Исковая давность. Проблемы теории и правоприменительной практики : диссертация кандидата юридических наук / П.А. Ильичев. Москва, 2014. 171 с.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Статут, 2020. 1071 с.
6. Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.Г. Савин. Москва, 2019. 31 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 томах. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. Москва : КонсультантПлюс : Статут, 2005. 461 с.
8. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву : историко-догматическое исследование / И.Е. Энгельман. Москва : Статут, 2003. 245 с.

Якубяк Юлия Юрьевна,
 ассистент кафедры
 гражданского процессуального
 и предпринимательского права
 Самарского национального
 исследовательского университета
 имени академика С.П. Королева,
 директор по правовым вопросам
 ООО «Ремедиум»
 afonina-y@list.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-36-39

Взыскание судебной неустойки: некоторые процессуальные вопросы

При разрешении вопроса о взыскании судебной неустойки факт неисполнения судебного решения подлежит обязательному установлению и доказыванию. Согласно действующему процессуальному законодательству (ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ) бремя доказывания факта неисполнения судебного решения при взыскании судебной неустойки лежит на взыскателе. Доказывание факта неисполнения судебного решения фактически возлагает на взыскателя обязанность доказать «то, чего в действительности нет», что существенно затрудняет процесс доказывания. В связи с этим автор выдвигается предложение о презюмировании вины должника в неисполнении судебного решения при рассмотрении дел о взыскании судебной неустойки. В статье автор также приходит к выводу, что неисполнение судебного решения представляет собой отрицательный факт доказывания. Возложение бремени доказывания отрицательного факта на истца (взыскателя) является недопустимым с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения. По мнению автора, обязанность по доказыванию факта неисполнения судебного решения при взыскании судебной неустойки должна быть смещена в сторону ответчика (должника) и возложена на него. Указанное обстоятельство, а также обстоятельства, объективно препятствующие исполнению судебного акта, и незаконный отказ от принятия предложенного должником надлежащего исполнения входят в число фактических обстоятельств, которые необходимо доказать должнику с целью недопущения удовлетворения требования о взыскании с него судебной неустойки.

Ключевые слова: судебная неустойка, неисполнение судебного решения, доказывание отрицательного факта, презумпция вины должника.

В целях побуждения к своевременному исполнению судебного акта по денежному требованию и компенсации за ожидание соответствующего исполнения Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВАС РФ) впервые предусмотрел возможность взыскания с ответчика в пользу истца денежных средств на случай неисполнения судебного акта (п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»¹). Такая мера получила название «астрент» в отечественной юридической литературе и иностранном праве. В настоящий момент согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответ-

ственности за нарушение обязательств»² (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 7) мера, предусмотренная ст. 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, получила название «судебная неустойка».

В настоящий момент вопросы о процессуальном порядке взыскания судебной неустойки разъяснены в Постановлении Пленума ВС РФ № 7, в соответствии с п. 31 которого судебная неустойка может быть присуждена исключительно по заявлению истца (взыскателя) как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в последующем при его исполнении в рамках исполнительного производства. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что взыскание судебной неустойки возможно исключительно в принудительной форме.

Для наиболее эффективного и быстрого разрешения вопроса о возможности

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

удовлетворения заявленных требований о взыскании судебной неустойки необходимо верно распределить бремя доказывания и определить круг фактических обстоятельств, которые должны быть доказаны должником с целью исключения возможности взыскания с него судебной неустойки.

По общему правилу каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). В случае рассмотрения вопроса о взыскании судебной неустойки одновременно с разрешением исковых требований ответчик имеет право не соглашаться с взысканием с него судебной неустойки и возражать против удовлетворения основных исковых требований. На ответчика в этом случае возлагается бремя по доказыванию факта необоснованности и неправомерности предъявления к нему требований.

В случае рассмотрения вопроса о взыскании судебной неустойки после разрешения исковых требований по существу в предмет доказывания по делу о взыскании судебной неустойки будет входить установление факта неисполнения должником вынесенного судебного решения.

Следуя общему правилу распределения между сторонами обязанности по доказыванию, бремя доказывания факта неисполнения должником судебного решения возлагается на истца (взыскателя). В свою очередь, в целях защиты прав стороны, поставленной в более трудные условия доказывания, в ряде законов содержатся исключения из указанного общего правила, которое заключается в переложении обязанности по доказыванию факта или его опровержению не на ту сторону, которая о нем утверждает, а на противоположную (презумпция)³. Наиболее распространенными в гражданском праве являются следующие доказательственные презумпции: презумпция вины причинителя вреда и презумпция вины лица, не исполнившего обязательство или исполнившего его ненадлежащим образом⁴.

Считаем, что при рассмотрении дела о взыскании судебной неустойки вина лица, не исполнившего судебный акт, должна презюмироваться. По нашему мнению, судебная неустойка может быть взыскана вне зависимости от факта обращения взыскателя в службу судебных приставов за принудительным исполнением основного судебного решения (за неисполнение которого в дальнейшем лицо будет требовать уплаты в его пользу судебной неустойки) по причине того, что наступление обязанности по исполнению вступившего в законную силу судебного акта для лица не связано с обязательным обращением взыскателя за принудительным исполнением.

При этом если все же исполнительное производство будет возбуждено, то у взыскателя не должно возникнуть трудностей с доказыванием факта неисполнения судебного решения. Например, взыскатель при рассмотрении дела о взыскании судебной неустойки может приобщить к материалам дела соответствующие документы из службы судебных приставов (постановление о возбуждении исполнительного производства, постановление о взыскании исполнительского сбора, письмо судебного пристава-исполнителя, подтверждающее, что должник не исполнил судебное решение или не исполнял его в определенный период времени и т.д.).

В случае если лицо заявит требование о взыскании судебной неустойки, не обращаясь предварительно в службу судебных приставов за принудительным исполнением судебного акта, то взыскатель будет поставлен в более трудные условия для доказывания, так как ему фактически придется доказывать «то, чего нет». Следуя общему правилу распределения обязанности по доказыванию, риск наступления неблагоприятных последствий в виде непредставления доказательств или представления ненадлежащих доказательств неисполнения или неисполнения в определенный срок судебного решения со стороны должника ложится на взыскателя.

Возможность доказывания факта неисполнения судебного решения с целью взыскания судебной неустойки без обращения в службу судебных приставов будет зависеть от характера обязательств, которые должен совершить должник в соответствии с вынесенным судебным актом. Так, если лицо, согласно судебному решению,

³ Гражданский процесс : учебник для вузов / Е. А. Борисова и др. ; под ред. М. К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 258.

⁴ Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 64.

было обязано снести здание, то взыскатель при обращении в суд с требованием о взыскании судебной неустойки в качестве доказательств, подтверждающих факт неисполнения указанного требования, может приобщить фотоматериалы или заключение кадастрового инженера, подтверждающие, что снос здания не осуществлен и решение суда должником не исполнено.

Однако возможна и иная ситуация. Например, ответчик не исполнил судебное решение, в соответствии с которым он был обязан передать определенное имущество в пользу истца. В данном случае истец будет утверждать, что определенного факта не существовало в действительности (ответчик не передал имущество), тогда как ответчик будет заинтересован в обратном. То есть истец в описанном примере будет обязан доказать наступление обстоятельств, которых не существует, то есть должен будет доказать «то, чего в реальности нет». Очевидно, что доказывание такого факта является весьма затруднительным, а в некоторых случаях и вовсе невозможно.

По нашему мнению, факт неисполнения судебного решения представляет собой отрицательный факт доказывания. Несмотря на то что действующее законодательство не содержит в себе легального определения понятия «отрицательный факт доказывания», в юридической литературе вопрос об определении указанного понятия не является новым⁵. Обобщая имеющиеся в научной литературе позиции относительно рассматриваемого понятия, можно сделать

⁵ См., напр.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства : для студентов. 3-е изд. М., 1909; Зернин Н.В. Юридические факты в советском авторском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; Зайцев И., Фокина М. Отрицательные факты в гражданских делах // Российская юстиция. 2000. № 3; Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 т. / науч. ред. В.С. Ем. М., 2005. Т. 2; Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009; Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика в области доказывания отрицательных фактов по гражданским делам // Современное право. 2012. № 7; Белов В.А. Гражданское право. Лица, блага, факты : учебник для бакалавров : для студентов высших учебных заведений : в 2 т. М., 2012. Т. 2; Шитиков Д.А. Доказывание отрицательных фактов в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7.

вывод, что большинство ученых-правоведов рассматривают отрицательный факт как отсутствие чего-либо в реальной жизни, как обстоятельство, которое в действительности не наступило.

При доказывании факта неисполнения судебного решения на истца (взыскателя) фактически возлагается обязанность по предоставлению доказательств, подтверждающих, что ответчик (должник) не совершил никаких действий, направленных на исполнение судебного решения.

Таким образом, неисполнение судебного решения подлежит установлению как отрицательный факт доказывания. В юридической литературе высказывались мнения о том, что отрицательные факты не должны подлежать доказыванию⁶. Вместе с этим действующее процессуальное законодательство не исключает отрицательные факты из числа обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Полагаем, что при разрешении вопроса о взыскании судебной неустойки и установлении факта неисполнения судебного решения (особенно учитывая приведенный выше пример, где истец с большей долей вероятности не сможет предоставить надлежащие доказательства, подтверждающие, что ответчик не передал имущество) должна действовать презумпция вины ответчика (должника) в неисполнении судебного решения. По этой причине истец (взыскатель) должен быть освобожден от обязанности по доказыванию факта неисполнения судебного решения. Бремя доказывания названного факта должно быть смещено в сторону ответчика. При этом такое бремя для него не будет являться чрезмерным, поскольку в аналогичных случаях объективно невозможно доказать отрицательный факт⁷.

Наложение процессуального бремени доказывания отрицательного факта на истца (взыскателя) является недопустимым также с точки зрения обеспечения

⁶ См., напр.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 365–366.

⁷ Особое мнение судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Павловой Натальи Владимировны к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 января 2013 г. по делу № А51-15943/2011 Арбитражного суда Приморского края // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7.

баланса процессуальных прав и гарантий. Считаем, что при рассмотрении вопроса о взыскании судебной неустойки стороне достаточно представить суду доказательства *prima facie*, подтвердив существенность сомнений в факте исполнения судебного решения. Необходимо отметить, что в настоящий момент такой подход к распределению бремени доказывания по гражданским делам является актуальным (см., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2018 № 308-ЭС17-12100 по делу № А32-1593/2016, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 № 310-ЭС17-8992 по делу № А54-3033/2016, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2017 по делу № 305-ЭС16-19572, А40-147645/2015).

Более того, отрицательный факт в виде неисполнения судебного решения для истца (взыскателя) при возникновении спора об исполнении или неисполнении судебного акта трансформируется в положительный факт для ответчика в виде доказывания исполнения судебного решения. В свою очередь, для ответчика не должно составлять

сложности доказать положительный факт в виде совершения со своей стороны действий, направленных на исполнение судебного решения. Например, ответчик может предоставить суду акт приема-передачи имущества, фото- и видеоматериалы, подтверждающие совершения действий, направленных на исполнение судебного решения.

Таким образом, при взыскании судебной неустойки распределение бремени доказывания по установлению факта неисполнения судебного решения должно отличаться от общего правила, закрепленного в процессуальном законе. Вина ответчика в неисполнении судебного решения должна презюмироваться. У ответчика не должно возникнуть трудностей по доказыванию положительного юридического факта в виде исполнения судебного решения. Взыскатель при доказывании факта неисполнения судебного решения поставлен в более трудные условия. По этим причинам, по нашему мнению, обязанность по доказыванию факта исполнения судебного решения должна быть возложена на ответчика, что позволит также соблюсти принцип баланса интересов сторон в процессе. В свою очередь, истец должен быть освобожден от обязанности по доказыванию отрицательного факта в виде неисполнения судебного решения.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика в области доказывания отрицательных фактов по гражданским делам / С.Ф. Афанасьев // Современное право. 2012. № 7. С. 101–105.
2. Белов В.А. Гражданское право. Лица, блага, факты. В 2 томах. Т. 2. Общая часть : учебник для бакалавров : для студентов высших учебных заведений / В.А. Белов. Москва : Юрайт, 2012. 1093 с.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстена. 5-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1913. 411 с.
4. Гражданский процесс : учебник для вузов / Е.А. Борисова [и др.] ; под редакцией М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Городец, 2007. 783 с.
5. Зайцев И. Отрицательные факты в гражданских делах / И. Зайцев, М. Фокина // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 19–20.
6. Зернин Н.В. Юридические факты в советском авторском праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.В. Зернин. Свердловск, 1984. 217 с.
7. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права : Избранные труды. В 2 томах. Т. 2 / О.А. Красавчиков ; научный редактор В.С. Ем. Москва : Статут, 2005. С. 49.
8. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства : для студентов / Е.А. Нефедьев. 3-е изд. Москва : Тип. Московского университета, 1909. 403 с.
9. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2009. 330 с.
10. Треушников М.К. Судебные доказательства : монография / М.К. Треушников. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Городец, 2004. 272 с.
11. Шитиков Д.А. Доказывание отрицательных фактов в гражданском и арбитражном процессах / Д.А. Шитиков // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 33–38.

Потапенко**Евгений Георгиевич,**

доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук
egpotapenko@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-40-44

Неординарные способы изменения решения суда в цивилистическом процессе

В статье рассматривается проблема изменения вступившего в законную силу решения суда первой инстанции путем применения процессуальных механизмов, сформированных судебной практикой. К данным механизмам относятся способы изменения решения суда, возникшие в результате распространительного толкования процессуального права (изменение начальной продажной цены предмета залога по правилам изменения способа и порядка исполнения решения суда), а также способы, возникшие в результате правоинтерпретационной деятельности, носящей правотворческий характер (изменение размера неустойки, взысканной судом на будущее, путем рассмотрения самостоятельного иска). Делается вывод о том, что неординарные способы изменения решения суда не соответствуют действующему законодательству и принципиальным положениям процессуальной науки.

Ключевые слова: изменение решения суда, самоконтроль суда первой инстанции, пересмотр судебных актов, толкование права, специализация цивилистического процессуального права.

Затронутая в настоящей статье проблема связана с тем, что в современной судебной практике периодически формируются правовые механизмы изменения решения суда первой инстанции по гражданскому делу не в рамках проверки судом вышестоящей инстанции и (или) самоконтроля суда первой инстанции. Такие правовые механизмы, не имеющие легального нормативного закрепления, условно названы «неординарными», то есть необычными, не имеющими нормативной основы. Следует учитывать вышеуказанную специфику употребления терминологии, которая отличается от известной в науке процессуального права дискуссии об ординарности и экстраординарности стадий пересмотра судебных актов¹, ординарности или экстраординарности ускоренных (упрощенных) поряд-

ков рассмотрения гражданских и административных дел².

Таким образом, под неординарными способами изменения решения суда первой инстанции мы будем понимать процессуальные механизмы изменения резолютивной части решения суда первой инстанции, которые не имеют непосредственного нормативного закрепления и основаны либо на расширении действия отдельного процессуального института посредством распространительного толкования, либо на правоинтерпретационных положениях (разъяснениях, правовых позициях), не имеющих нормативной основы. Наличие и применение данных процессуальных механизмов в практической деятельности требует их соотношения с действующим законодательным регулированием и общепризнанными положениями науки процессуального права.

¹ См., напр.: Ивасенко К.В. Единая модель кассационного обжалования: возможна ли межотраслевая унификация? // Закон. 2020. № 11. С. 173–182; Князькин С.И. Современное понимание кассации в цивилистическом процессе: аргументы в пользу ординарности // Российской правосудие. 2018. № 9. С. 41–50; Сахнова Т.В. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 11–25; и др.

² См., напр.: Зеленцов А.Б. Дифференциация и унификация административного судопроизводства: концептуальные проблемы // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 23–35; Пирко Г.О. Упрощение гражданского судопроизводства: вектор развития // Юрист. 2019. № 11. С. 49–59; Решетникова И.В., Царегородцева Е.А. Новации в арбитражном процессе через призму задач судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 5–9; и др.

В качестве неординарного способа изменения решения суда, основанного на распространительном толковании процессуальных норм, следует указать изменение начальной продажной цены предмета залога судом первой инстанции после вступления решения суда в законную силу. Данный процессуальный механизм реализован не посредством применения известных закону институтов пересмотра судебного акта, а посредством распространительного толкования института изменения способа и порядка исполнения судебного решения (ст. 434 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)³, ст. 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее — АПК РФ)). Возможность рассмотрения вопроса изменения (понижения) начальной продажной цены, которая ранее определена решением суда первой инстанции, в рамках института изменения способа и порядка исполнения решения суда допускается п. 42 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге»⁵ и п. 13 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) 22 мая 2013 г.⁶ Верховный Суд РФ, указывая на применение норм об изменении способа и порядка исполнения решения суда, исходит из аналогии процессуального закона. В судебной практике отмечается, что определение суда об изменении способа и порядка исполнения решения суда не отменяет и не изменяет решение суда, вынесенное по существу матери-

ально-правового спора сторон по делу⁷. Однако изменение установленной судом начальной продажной цены предмета залога является изменением резолютивной части судебного решения. В противном случае аналогия процессуального закона (точнее, распространительное толкование) в данном случае отсутствует, а нормы ст. 434 ГПК РФ и ст. 324 АПК РФ применялись бы напрямую и буквально. Верховный Суд РФ вместе с тем указывает, что порядок изменения начальной продажной цены имущества в случае изменения его рыночной цены законом прямо не урегулирован и к нему подлежат применению по аналогии ст. 203, 208, 434 ГПК РФ⁸.

Вторым неординарным способом изменения решения суда первой инстанции, не имеющим нормативного основания и созданным правоинтерпретационной и правоприменительной практикой, является уменьшение размера неустойки, взысканной судом на будущее по день фактического исполнения решения суда ответчиком-должником. В абз. 1 п. 79 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»⁹ (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7) указано, что в случае списания по требованию кредитора неустойки со счета должника, а равно зачета суммы неустойки в счет суммы основного долга и/или процентов должник вправе ставить вопрос о применении к списанной неустойке положений ст. 333 Гражданского кодекса Российской

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

⁵ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2014 г. № 5-КГ14-36; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рикиной Елены Борисовны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 4 пункта 2 статьи 54 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)“» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 г. № 45-КГ14-11 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

Федерации¹⁰ (далее — ГК РФ), например, путем предъявления самостоятельного требования о возврате излишне уплаченного (ст. 1102 ГК РФ). Ранее аналогичное разъяснение содержалось в п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹¹. Защита прав должника в данных случаях осуществляется самостоятельным кондикционным иском. Вышеуказанные разъяснения судов связаны с тем, что в силу особенности реализации нормы ст. 333 ГК РФ (применение судом) и возможности прекращения обязательства не только его исполнением, но и иными способами (зачет, удержание неустойки при окончательном расчете) вне рамок судебного процесса, рассмотреть вопрос о снижении неустойки в силу ее несоразмерности последствиям нарушения можно в рамках самостоятельного иска. В таких случаях вопрос определения размера неустойки ранее не проходил судебного контроля, а прекращение исполнения обязательства должника по уплате неустойки в соответствующем размере осуществлялось на основании односторонних действий кредитора (односторонняя сделка).

Первоначально практика складывалась в направлении допустимости предъявления кондикционного иска в случае внесудебного прекращения исполнения обязательства по уплате неустойки либо предъявления иска о снижении размера неустойки в целях придания правоотношениям сторон юридической определенности¹². Текущая судебная практика развивается в направлении допущения предъявления самостоятельного кондик-

ционного иска должника ко взыскателю по ранее рассмотренному делу, в котором суд присудил неустойку на будущее время по день фактического исполнения решения суда¹³. Как указывают суды, в п. 79 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 разъяснена возможность обращения должника с самостоятельным иском о снижении неустойки в суд в отдельных случаях, перечень которых не является исчерпывающим. Поэтому в части взысканной судом неустойки на будущее время заявитель не лишен возможности защитить свои права путем обращения в суд с требованием о ее снижении в порядке ст. 333 ГК РФ¹⁴.

В процессуальном плане рассмотрение самостоятельного кондикционного иска должника, по сути, приводит к пересмотру решения суда о взыскании неустойки на будущее время, которое уже исполнено посредством принудительного взыскания. Размер неустойки изменяется самостоятельным решением суда по результатам рассмотрения кондикционного иска. Представляется, что указанная судебная практика, сформировавшая процессуальный механизм изменения (пересмотра) одним равнозначным решением суда резолютивной части ранее вынесенного решения суда (суды, рассматривающие данные дела, также могут не совпадать), не в полной мере соответствует свойствам обязательности и неизменяемости судебного решения.

Согласно ч. 2 ст. 13 ГПК РФ и ч. 1 ст. 16 АПК РФ вступившее в законную силу судебное решение является обязательным для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объ-

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 51 (часть I). Ст. 7482.

¹¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 2.

¹² Пункт 17 Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.09.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 10; Пункт 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

¹³ См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 июля 2020 г. № 88-12542/2020; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2020 г. по делу № 88-19710/2020. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2020 г. № 88-17766/2020. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2021 г. № 88-3835/2021, 88-4191/2021. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases

¹⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2021 г. № 88-3835/2021, 88-4191/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

единений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежит неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Из свойства обязательности судебного решения, по мнению Н.Б. Зейдера, проистекают остальные свойства и последствия законной силы судебного решения: неизменность, неопровержимость, преюдициальность, исключительность и исполнимость¹⁵. В качестве общего правила неизменности (неизменяемости) судебного решения Н.Б. Зейдер указывает на возможность исправления недостатков судебного решения только судами вышестоящих инстанций либо в порядке пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, за исключением нормативно закрепленных случаев самоконтроля суда первой инстанции¹⁶. М.А. Гурвич, не отождествляя законную силу судебного решения и его действие, отмечал, что законная сила судебного решения есть его неизменяемость, обеспеченная недопустимостью его обжалования (опротестования) и вынесения нового решения по тому же иску, одновременно. Неизменяемость решения является результатом неопровержимости и исключительности¹⁷.

Представляется, что вышеуказанные неординарные способы изменения судебного решения не встраиваются в действующую нормативную систему, не соответствуют научным подходам и принципиальным положениям процессуального права. Данный вывод обосновывается следующим. Во-первых, мы исходим из того, что изменение начальной продажной цены предмета залога и изменение размера неустойки являются изменением резолютивной части решения суда, следовательно, представляют собой процессуальные механизмы изменения решения, аналогичные изменению решения вышестоящим судом (например, суд апелляционной инстанции вправе изменить решение суда в части размера начальной продажной цены либо размера присужденной неустойки). В этой связи данные способы изменения реше-

ния суда не являются некими аналогами института изменения способа и порядка исполнения, выходят за пределы данного института. Во-вторых, обстоятельства, вызывающие необходимость изменения решения суда в данных случаях (обеспечение соответствия начальной продажной цены предмета залога его рыночной цене, приведение размера неустойки в соответствие с обстоятельствами и последствиями нарушения), не являются судебными ошибками¹⁸ и не составляют недостатки решения суда в момент его принятия. В этой связи данные обстоятельства не могут быть учтены в рамках способов устранения недостатков решения суда первой инстанции этим же судом (разъяснение решения, исправление описок, арифметических ошибок, дополнительное решение). В-третьих, изменение решения суда в результате рассмотрения самостоятельного иска представляется неправильным, так как нарушает свойства обязательности и неизменяемости судебных актов. В-четвертых, игнорировать обстоятельства, возникшие после принятия судебного решения и влияющие на правильность первоначального решения, нельзя в силу положений материального законодательства и основной цели судопроизводства — наиболее полной защиты (восстановления) нарушенных прав.

Наиболее правильным в данных случаях являлось бы применение института новых обстоятельств, возникновение которых влечет постановку вопроса о пересмотре судебного решения в соответствующей части. Но действующее процессуальное законодательство в настоящий момент в силу закрытого перечня новых обстоятельств не позволяет в рассмотренных случаях пересматривать решение суда. Представляется, что формирование практикой неординарных способов изменения решения суда первой инстанции является поводом задуматься над поиском оптимального пути решения данной проблемы и, возможно, законодательной корректировкой института пересмотра судебного акта в силу новых обстоятельств.

¹⁵ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 124.

¹⁷ Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 146–147.

¹⁸ О понятии и классификации судебных ошибок см.: Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Вкут. Саратов, 1985. С. 4–36.

Литература

1. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М.А. Гурвич. Москва : Юридическая литература, 1976. 176 с.
2. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / И.М. Зайцев ; под редакцией М.А. Видука. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1985. 135 с.
3. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. Москва : Юридическая литература, 1966. 190 с.
4. Зеленцов А.Б. Дифференциация и унификация административного судопроизводства: концептуальные проблемы / А.Б. Зеленцов // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 23–35.
5. Ивасенко К.В. Единая модель кассационного обжалования: возможна ли межотраслевая унификация? / К.В. Ивасенко // Закон. 2020. № 11. С. 173–182.
6. Князькин С.И. Современное понимание кассации в цивилистическом процессе: аргументы в пользу ординарности / С.И. Князькин // Российской правосудие. 2018. № 9. С. 41–50.
7. Пирко Г.О. Упрощение гражданского судопроизводства: вектор развития / Г.О. Пирко // Юрист. 2019. № 11. С. 49–59.
8. Решетникова И.В. Новации в арбитражном процессе через призму задач судопроизводства / И.В. Решетникова, Е.А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 5–9.
9. Сахнова Т.В. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации / Т.В. Сахнова // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 11–25.

Данилин Евгений Михайлович,
судья Шестого кассационного суда
общей юрисдикции,
аспирант Ульяновского
государственного университета
Eugene.Danilin@gmail.com

Карпеев Олег Владимирович,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
юридического факультета
Ульяновского государственного
университета,
кандидат юридических наук
Karpeev-oleg@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-44-48

Договор буксировки и смежные договорные обязательства (по материалам арбитражной судебной практики)

В настоящей статье авторы выявляют соотношение договора буксировки с иными договорными обязательствами. Исследуется история нормативно-правового регулирования договора буксировки с целью фиксации момента появления данного договора в качестве самостоятельного. Отмечается историческая взаимосвязь договора буксировки и договора перевозки, а также договоров подрядного типа.

Отмечается, что в современной практике договор буксировки не всегда верно идентифицируется субъектами обязательств. Приводятся примеры из судебной практики, когда обязательства по буксировке внедряются в качестве элементов смешанного договора. Вносятся предложения по корректировке практики договорной работы.

Ключевые слова: договор буксировки, судно, буксируемый объект.

Очевидно, что развитие человеческой цивилизации неизбежно сопровождалось перемещением грузов по рекам. Также не

вызывает сомнения, что довольно часто такое перемещение осуществлялось путем тяги судна, следующего по реке, людьми

или гужевым транспортом, идущими по берегу. Однако для проведения анализа соотношения договора буксировки с иными договорными обязательствами в историко-правовом аспекте в качестве отправной точки истории отечественного гражданского законодательства мы предлагаем рассматривать проект Гражданского уложения Российской империи¹ (далее — проект Гражданского уложения). Данный документ принимается в качестве отправной точки только потому, что до этого момента договор буксировки (точнее, не сам договор, а комплекс обязательств) не рассматривался в качестве самостоятельной договорной конструкции.

В 1882 г. началась разработка проекта Гражданского уложения, в котором договор перевозки (предшественник договора буксировки) был выделен из договора подряда как самостоятельный гражданско-правовой договор и ему была посвящена отдельная глава XI «Перевозка».

В соответствии со ст. 463 проекта Гражданского уложения «по договору перевозки перевозчик обязуется за вознаграждение (перевозную плату) доставить сухим путем или водою в указанное место пассажира либо вверенный ему, перевозчику, груз и сдать сей последний в место назначения определенному лицу (получателю)»².

Интерес также представляют объяснения, которые давались к проекту Гражданского уложения в части договора перевозки. В частности, выделялись способы, которыми может совершаться доставка грузов: переноска, перекатывание, поднимание, сплав и другие³. В качестве своеобразного вида перевозки рассматривалось передвижение судна на буксире. При этом указывалось, что вопрос о том, составляет ли договор о буксировании судна договор перевозки или же договор личного или имущественного найма, мо-

жет быть разрешен лишь по содержанию договора и обстоятельствам конкретного случая.

К сожалению, Гражданское уложение так и осталось проектом. В годы Первой мировой войны и последовавшей за ней Гражданской войны правовому регулированию уделялось крайне мало внимания, видимо, поэтому в первом Гражданском кодексе РСФСР⁴ договор буксировки, как и договор перевозки, не выделялся в качестве самостоятельной договорной конструкции.

Лишь в Кодексе торгового мореплавания СССР⁵ 1929 г. (далее — КТМ СССР 1929 г.) появляется глава VI «О Договоре буксировки».

В силу положений ст. 138 КТМ СССР 1929 г. на одной из сторон договора буксировки (на владельце одного из судов) лежала обязанность буксировать другое судно, а на другой стороне — оплатить буксировку. Указанным нормативно-правовым актом предусматривалась возможность буксировать только судно, речь не шла о буксировке иных плавучих объектов.

Кодекс торгового мореплавания СССР⁶ 1968 г. (далее — КТМ СССР 1968 г.) устранил пробел, связанный с регулированием на морском транспорте буксировки иных плавучих объектов, помимо судна. В ст. 187 КТМ СССР 1968 г. (глава XI «Договор морской буксировки») определено, что возможна буксировка не только другого судна, но и иного плавучего объекта.

В первом Уставе внутреннего водного транспорта СССР 1930 г. (далее — УВВТ СССР 1930 г.) также имелась глава 16 «Буксировка». В УВВТ СССР 1930 г. уже имелось упоминание не только о буксируемом судне, но и плоте, что, вероятно, связано с тем, что именно по рекам в основном осуществлялась буксировка плотов.

¹ Гражданское Уложение: книга пятая: в 5 т. СПб., 1899. URL: zakon.ru

² Гражданское Уложение. Книга пятая: Обязательства: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1899. С. 78. (Приложение к журналу «Вестник права» № 6 и 7 за 1899 г.)

³ Проект Гражданского уложения, опубликованного государственной типографией в Санкт-Петербурге в 1899 г. С. 452. URL: <https://zakon.ru/>

⁴ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским кодексом РС.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁵ Кодекс торгового мореплавания СССР (утв. постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 14.06.1929) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Указом Президиума ВС СССР от 17.09.1968) // СПС «КонсультантПлюс».

В Уставе внутреннего водного транспорта СССР⁷ 1955 г. (далее — УВВТ СССР 1955 г.) уже в названии раздела VI есть соответствующая формулировка — «Буксировка плотов и судов».

В соответствии с указанием, содержащимся в абз. 2 ст. 126 УВВТ СССР 1955 г., в соответствующих случаях для договоров буксировки применялся такой же правовой режим, как для перевозок грузов.

Общий в определенных случаях правовой режим для буксировки плотов и перевозки грузов был установлен и в ряде статей раздела VII УВВТ СССР 1955 г. «Порядок установления тарифов и сборов», а также в разделе IX «Ответственность пароходств, грузоотправителей и пассажиров».

Таким образом, во второй половине XX в. в отечественной науке и правоприимительной практике возникает необходимость четкого разграничения договора буксировки и договора перевозки грузов. В юридической литературе по этому поводу высказывались различные мнения.

А.Д. Кейлин высказывал мнение, что различие в юридической природе договора морской перевозки грузов и договора буксировки выражается в том, что каждый из данных договоров преследует различные цели, в связи с чем различны по своему характеру взаимоотношения, возникающие между сторонами: «При договоре буксировки производится перемещение буксируемого судна или другого объекта тягой буксира. Соответственно, если при договоре морской перевозки грузов перевозчик принимает на себя сохранность перевозимого груза, то при буксировке, поскольку иное не будет обусловлено, буксируемое судно не передается на сохранность владельцу буксира»⁸.

В.Ф. Мешера, напротив, указывал, что буксировка является особой разновидностью перевозки грузов⁹.

А.Л. Маковский полагает, что четкое понимание соотношения между указанными

ными договорами необходимо для того, чтобы можно было решить, применимы ли нормы об одном из этих договоров к другому, и если применимы, то в каких пределах. Также он указывает, что морская буксировка судов существенно отличается от перевозки морем грузов не только по способу транспортировки, но и по экономическому содержанию складывающихся при этом отношений. При этом он делает исключение для буксировки леса в плотках, указывая, что при такой буксировке экономические отношения мало чем отличаются от отношений перевозки¹⁰.

Похожее мнение было высказано М.К. Петровым, который обратил внимание на специфику процесса буксировки, при котором предоставляется не место на борту, а тяга. Он так же, как А.Л. Маковский, делает исключение для буксировки леса в плотках¹¹.

О.С. Иоффе тоже отмечал, что «посредством буксировки иногда достигаются те же цели, что и при перевозке грузов», приводя при этом в качестве примера буксировку плотов¹².

КТМ РФ не содержит такой отсылочной нормы, которая была в КТМ СССР 1968 г. в абз. 2 ст. 187 «Буксировка леса в плотках регулируется правилами главы VIII настоящего Кодекса», т.е. законодатель, исключив отсылку на применение норм о перевозке грузов при буксировке леса в плотках, продолжил разграничение договоров буксировки и перевозки грузов.

Курс на разграничение договоров буксировки и перевозки грузов можно проследить и в формулировании обязанностей сторон договора буксировки. В силу норм действующего КТМ РФ буксировка в отличие от перевозки предполагает участие владельца буксируемого плавучего объекта (отправителя) в процессе буксировки, как минимум приводя объект в годное для буксировки состояние и осуществляя заботу о безопасности плавания буксирного каравана.

⁷ Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР (утв. Постановлением Совмина СССР от 15.10.1955 № 1801) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кейлин А.Д. Советское морское право. М.: Государственное издательство водного транспорта, 1954. С. 253.

⁹ Мешера В.Ф. Морское право: учебное пособие для студентов-заочников. Вып. 4. М.: Морской транспорт, 1963. 24 с.

¹⁰ Маковский А.Л. Правовое регулирование морских перевозок грузов. М.: Морской транспорт, 1961. С. 53.

¹¹ Петров М.К. Правовые вопросы буксировки. М.: Государственное издательство водного транспорта, 1954. С. 10.

¹² Иоффе О.С. Обязательственное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1975. С. 633.

В Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации 2001 г.¹³ (далее — КВВТ РФ) выделена глава XII «Буксировка судов и плавучих объектов». В силу ч. 6 ст. 88 КВВТ РФ к отношениям, не урегулированным правилами главы XII «Буксировка судов и плавучих объектов», субсидиарно применяются соответствующие положения главы XI («Перевозки грузов»). Но в данном случае сближение правовых режимов буксировки и перевозки грузов не дает оснований сомневаться в самостоятельном характере договора буксировки, поскольку законодатель оговаривает соответствующие обязанности владельца буксируемого объекта или уполномоченного им лица (отправителя) (ст. 89 КВВТ РФ).

Определенный интерес представляет Модельный кодекс внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ¹⁴. Конечно, данный документ не является нормативным актом непосредственного действия, но тем не менее он задает определенные ориентиры для гармонизации законодательства стран, входящих в Содружество Независимых Государств.

Следует отметить, что глава XII «Буксировка судов и плавучих объектов» Модельного кодекса внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ не содержит упоминания о возможности субсидиарного применения к отношениям сторон договора буксировки правил, применяемых к отношениям сторон по договору перевозки.

Полагаем, что изложенное позволяет прийти к выводу, что договор буксировки в действующих КТМ РФ и КВВТ РФ сохраняется как самостоятельный гражданско-правовой договор, аналогичный подход к нормативно-правовому регулированию отношений по буксировке,

очевидно, будет сохранен в ближайшей исторической перспективе.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу, что договор буксировки не всегда верно идентифицируется субъектами обязательств. В частности, стороны иногда вместо термина «буксировка» используют термин «транспортировка». Так, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2021 г. по делу № А65-13673/2021¹⁵ упоминаются «договоры о транспортировке» катеров, причем при анализе текста документа следует, что транспортировка эта будет осуществляться путем буксировки с установкой катеров на понтоны. Очевидно, что катер, установленный на понтоны, должен рассматриваться в качестве «буксируемого объекта» в смысле, придаваемом этому термину ст. 88 КВВТ РФ.

Иногда складывается впечатление, что стороны, заключая договор, сознательно неверно его именуют, примером чего является Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2021 г. по делу № А05-13812/2019¹⁶, в котором отмечается, что при оценке условий договора «суды пришли к выводу, что он не является договором перевозки, а содержит отдельные признаки договора аренды транспортного средства с экипажем, действительная же воля сторон была направлена на заключение договора буксировки».

Полагаем, что такая путаница возникает в связи с усложнением правоотношений сторон в связи с техническим усложнением деятельности. В этом случае стороны стремятся заключить один

¹³ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

¹⁴ Постановление № 49-12 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О модельном Кодексе внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ» (принято в г. Санкт-Петербурге 19.04.2019) // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/30.

¹⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2021 г. по делу № А65-13673/2021 // Официальный сайт федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Банк решений арбитражных судов. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/be6e4d81-6de8-4a20-a40c-da7905e93557/b59bd974-0264-44cf-983c-e1f4650b6768/%D0%9065-13673-2021__20210909.pdf?isAddStamp=True

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2021 г. по делу № А05-13812/2019 // Официальный сайт федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Банк решений арбитражных судов. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/d795489e-7b6e-45b9-931d-844183d15efb/b2fbc7b2-708f-4b30-a758-39285dc0cb3d/%D0%9005-13812-2019__20210909.pdf?isAddStamp=True

договор, охватывающий все аспекты их взаимодействия. Результатом этого является использование термина «буксировка» применительно к отношениям сторон, охватываемым другими договорами. Пример заключения такого договора можно встретить в Постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2021 г. по делу № А05-12489/2020¹⁷, в котором отмечается, что стороны, заключившие договор аренды плавучей конструкции, предусмотрели оплату «на период буксировки», причем в договоре применительно к такой «буксировке» в дальнейшем используется термин «перегон». Очевидно, что в данном случае при таком перегоне-буксировке плавучая конструкция не выбывала из владения арендодателя. То есть термин «буксировка» использовался сторонами договора не в его юридическом смысле, а исключительно в техническом — для обозначения способа перемещения объекта Арендатору.

Аналогичное предыдущему использованию термина «буксировка» встречается в Решении Арбитражного суда г. Москвы от 25 июня 2021 г. по делу № А40-83545/21-102-802¹⁸ — стороны заключили договор

об оказании «услуг с использованием специализированной техники», для выполнения работ по укладке гибких бетонных матов на дно р. Вычегда. Специализированную технику необходимо было доставить до места, где производились работы. Доставлялась эта техника путем буксировки по реке, причем стоимость буксировки рассчитывалась отдельно. В этом случае обязательства по буксировке также не рассматривались сторонами как отдельный договор, а как технологический способ перемещения спецтехники, требующий отдельной оплаты.

Выводы

1. Договор буксировки в действующих КТМ РФ и КВВТ РФ сохраняется как самостоятельный гражданско-правовой договор, аналогичный подход к нормативно-правовому регулированию отношений по буксировке, очевидно, будет сохранен в ближайшей исторической перспективе.

2. Для устранения необходимости проведения судами, рассматривающими дело, дополнительного анализа содержания договора можно было бы рекомендовать сторонам при заключении договора буксировки указывать его действительное наименование, предусмотренное действующим законодательством.

3. В практике договорной работы при формулировке текста договора можно рекомендовать избегать использования термина «буксировка» в случае, если данный термин используется не в юридическом, а в техническом смысле, иными словами, когда буксировка осуществляется силами и средствами собственника или иного законного владельца буксируемого объекта или судна.

¹⁷ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2021 г. по делу № А05-12489/2020 // Официальный сайт федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Банк решений арбитражных судов. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/101152e1-2d5f-40a0-84d2-573fdbb68fd9/e51e9547-b22c-47a7-8afad55953c21299/%D0%9005-12489-2020__20210811.pdf?isAddStamp=True

¹⁸ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 июня 2021 г. по делу № А40-83545/21-102-802 // Официальный сайт федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Банк решений арбитражных судов. URL: [https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/ad90aa20-c6f4-4a0f-bfe2-a8845ead3e5e/6a27bb50-0759-4cb2-8739-9663c4](https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/ad90aa20-c6f4-4a0f-bfe2-a8845ead3e5e/6a27bb50-0759-4cb2-8739-9663c407dc14/%D0%9040-83545-2021__20210625.pdf?isAddStamp=True)

[07dc14/%D0%9040-83545-2021__20210625.pdf?isAddStamp=True](https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/ad90aa20-c6f4-4a0f-bfe2-a8845ead3e5e/6a27bb50-0759-4cb2-8739-9663c407dc14/%D0%9040-83545-2021__20210625.pdf?isAddStamp=True)

Литература

1. Иоффе О.С. Обязательственное право : учебник / О.С. Иоффе. Москва : Юридическая литература, 1975. 880 с.
2. Кейлин А.Д. Советское морское право / А.Д. Кейлин. Москва : Государственное издательство водного транспорта, 1954. 396 с.
3. Маковский А.Л. Правовое регулирование морских перевозок грузов / А.Л. Маковский. Москва : Морской транспорт, 1961. 314 с.
4. Мешера В.Ф. Морское право. Вып. 4. Правовые условия морской буксировки : учебное пособие для студентов-заочников / В.Ф. Мешера. Москва : Морской транспорт, 1963. 24 с.
5. Петров М.К. Правовые вопросы буксировки / М.К. Петров. Москва : Государственное издательство водного транспорта, 1954. 151 с.

Серобаба
Илья Александрович,
 судья Арбитражного суда
 Костромской области
 a31.iserobaba@arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-49-51

К вопросу об оспаривании прокурором сделок в делах о несостоятельности (банкротстве)

В статье анализируются теоретико-прикладные проблемы ограничения процессуальной компетенции прокурора в арбитражном процессе на обжалование сделки в случаях признания одной из ее сторон банкротом.

Ключевые слова: сделка, арбитражный суд, прокурор, банкротство, злоупотребление правом.

Арбитражное процессуальное законодательство, наделяя прокурора правом на оспаривание сделок и применение последствий их недействительности, ограничивает соответствующую компетенцию субъектным составом сделок (ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)).

В соответствии с положениями ст. 223 АПК РФ дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства).

Одной из особенностей действующего правового регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства) является отсутствие у прокурора статуса субъекта (участника) этих отношений.

Именно по этому мотиву Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) в Постановлении от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“» (абз. 2 п. 3) вполне определенно обозначил запрет на обращение прокурора в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по специальным («банкротным») основаниям, в том числе и в случаях, когда должник или кредитор относятся к категориям лиц, поименованных законодателем в абз. 3 и 4 ч. 1 ст. 52 АПК РФ.

Вместе с тем вышеуказанными разъяснениями за прокурором оставлено право на обращение в арбитражный суд с исками по общим основаниям недействительности сделок, предусмотренным граждан-

ским законодательством. Такие заявления рассматриваются в общеисковом порядке, вне рамок дела о несостоятельности (банкротстве).

В настоящее время выработанные судебной практикой подходы к оспариванию сделок должника свидетельствуют об определенной синхронизации специальных («банкротных») оснований для оспаривания сделок должника и оснований «общегражданских».

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“», наличие в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных ст. 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Предусмотренное п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве специальное основание для оспаривания сделки должника содержит указание на противоправную цель совершения сделки — причинение вреда кредиторам. Цель причинения вреда входит в предмет доказывания, отсутствие данного признака влечет отказ в удовлетворении заявления.

При этом п. 1 ст. 10 ГК РФ прямо предусмотрен запрет на осуществление гражданских прав (в том числе путем заключения сделок) исключительно с намерением причинить вред другому лицу (в том числе

кредиторам должника), действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Следует отметить, что обжалование в делах о несостоятельности (банкротстве) сделок по специальному основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, наряду с квалификацией действий участников сделки как злоупотребление правом (ст. 10 и 168 ГК РФ) до недавнего времени являлось вполне ординарной правовой ситуацией.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации данный подход неоднократно подвергла критике, указывая, что предусмотренные п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве основания для оспаривания сделок не должны нивелироваться дополнительной квалификацией по ст. 10 и 168 ГК РФ, поскольку в последнем случае речь идет о сделках с пороками, выходящими за пределы дефектов подозрительности сделок¹.

Изложенный правовой подход и разъяснения, содержащиеся в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“», формально указывают правоприменителю на наличие фактических составов, связанных с совершением должником сделок, содержащих признаки злоупотребления правом, но по формально-юридическим либо фактическим основаниям не подпадающих под действие п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Толкование приведенных норм права и разъяснений высшей судебной инстанции не исключает возможности обжалования прокурором сделок должника по правилам ст. 52 АПК РФ в случае квалификации прокурором действий сторон как злоупотребление правом. И, вероятно, данное право прокурора следует ограничивать, когда оспариваемая в общеисковом порядке сделка должника имеет в себе признаки недействительности, предусмотренные п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (подозрительная сделка).

¹ См., напр.: Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2016 г. № 306-ЭС15-20034 по делу № А12-24106/2014. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1435892

Прокурор, квалифицируя связанные с совершением сделки действия сторон как злоупотребление правом, не обязан указывать в качестве правового основания заявленных требований положения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, мотивируя свои требования ст. 10, 168 ГК РФ и защитой публичного интереса.

Этот же подход можно применить и к мнимым сделкам должника (п. 1 ст. 170 ГК РФ), поскольку мнимый (фиктивный) характер сделки предполагает причинение вреда кредиторам должника, имеет деликтную составляющую.

При этом в обоих случаях в качестве конкурирующего кредитора может выступать уполномоченный орган, следовательно, будет иметь место посягательство на публичный интерес.

Со ссылкой на положения ст. 223 АПК РФ следует прийти к выводу, что специальное («банкротное») основание для оспаривания сделки должника должно иметь приоритет над общим гражданско-правовым.

Однако данный подход ставит перед правоприменителем ряд вопросов: как следует распределить бремя доказывания наличия (отсутствия) в заявленном прокуроре составе недействительности сделки признаков п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве; является ли это прерогативой суда; на какой стадии разбирательства суд должен дать оценку этим обстоятельствам?

На стадии принятия такого искового заявления прокурора к производству при соответствии субъектного состава сделки положениям ст. 52 АПК РФ препятствия для дальнейшего движения дела будут иметь место только при прямом указании прокурором на п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве или иные специальные «банкротные» основания недействительности сделки.

Иной подход будет означать судебную оценку обстоятельств дела и доказательств, что на данной стадии арбитражного процесса недопустимо (ст. 127, 168 АПК РФ).

Материально-правовое обоснование требований, прежде всего со ссылками на ст. 10, 168 ГК РФ, не позволяет суду в стадии принятия заявления к производству дать оценку доказательствам и констатировать наличие в требованиях прокурора завуалированного состава недействительности сделки, предусмотренного п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Но даже в ходе судебного разбирательства чрезвычайно сложно сформулировать круг фактических обстоятельств, при которых общегражданские основания, предусмотренные ст. 10, 168 ГК РФ, всецело будут охватываться составом недействительности сделки, предусмотренным п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Грань между составами настолько условна и субъективна, что должна ставить перед законодателем вопрос о целесообразности ограничения предусмотренного ст. 52 АПК РФ права прокурора на оспаривание сделок, одной из сторон которой является организация-банкрот.

Количество правовых ситуаций с участием ответчиков-банкротов, поименованных в ст. 52 АПК РФ, в которых от прокурора в целях защиты публично-правового интереса требуется оспорить сделку, является мизерным.

Отказ в этих случаях конкурсного управляющего и кредиторов от оспаривания сделки при наличии у прокурора оснований квалифицировать ее как недействительную по «общегражданским» основаниям, сопряженным со злоупотреблением правом, будет указывать на наличие правового конфликта между публичным интересом и интересами лиц, контролирующих процессуальное поведение участников дела о несостоятельности (банкротстве), разрешение которого процессуально невозможно.

Прокурором могут быть приняты несудебные меры реагирования к конкурсному управляющему, кредиторам и иным участникам судебного разбирательства, защищающим публичный интерес, но принятие данных мер, которые в конечном счете могут быть сведены к привлечению виновных лиц к административной ответственности за неисполнение законных требований прокурора (ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), не является гарантией конечного результата в виде фактического инициирования поднадзорными лицами обособленного спора об оспаривании сделки должника и применении последствий ее недействительности. Такие меры не являются также гарантией последующего активного процессуального поведения поднадзорных прокурору участников разбирательства в деле о несостоятельности (банкротстве) в случае ини-

цирования такого обособленного спора. В период принятия комплекса надзорных мер прокурорского реагирования могут истечь сроки исковой давности.

Таким образом, формальное наличие признаков недействительности сделки, предусмотренных п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (сделка, совершенная в целях причинения вреда кредиторам), а в отдельных случаях и предусмотренных п. 3 ст. 61.2 Закона о банкротстве (сделка, совершенная при неравноценном встречном предоставлении), в заявлении прокурора, предъявленном в соответствии со ст. 52 АПК РФ в общеисковом порядке с указанием на общегражданские основания недействительности сделки, не должно являться безусловным препятствием для движения дела на стадии принятия его к производству.

Критерием возможности рассмотрения такого заявления арбитражным судом в общеисковом порядке должны являться фактические обстоятельства, обуславливающие необходимость обращения прокурора в суд, с выяснением в судебном порядке позиции конкурсного управляющего, иных лиц, участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве) и наделенных правом на инициирование обособленного спора об оспаривании сделки должника, относительно заявленных прокурором требований.

В случае установления обстоятельств отказа указанных субъектов от оспаривания сделки в деле о несостоятельности (банкротстве) заявление прокурора, мотивированное «общегражданскими» материально-правовыми основаниями недействительности сделки по признакам злоупотребления правом в форме причинения вреда участникам гражданского оборота, должно быть рассмотрено по существу в общеисковом порядке, независимо от наличия формальных признаков недействительности сделки, предусмотренных п. 2 и 3 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в противном случае невозможно обеспечить надлежащую защиту публичного интереса.

Такой правоприменительный подход будет способствовать наиболее полной и компетентной защите публичного интереса, не нарушает прав кредиторов и иных участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве) лиц.

**Кузнецов
Евгений Николаевич,**
доцент кафедры гражданского
процесса Уральского
государственного юридического
университета, приглашенный
профессор Университета
Париж-Нантерр (Франция),
кандидат юридических наук
corben2002@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-52-56

Особенности реализации права на исполнение судебных актов, вынесенных по результатам рассмотрения групповых исков

В статье рассматриваются отдельные особенности реализации права на исполнение судебных актов, вынесенных по групповым искам. Анализируются примеры групповых исков и влияние исполнимости вынесенных по ним судебных актов на развитие соответствующих отношений. Предлагается развивать в процессуальном законодательстве об исполнительном производстве групповое исполнительное производство.

Ключевые слова: исполнительное производство, групповой иск, групповое исполнительное производство, право на исполнение судебных актов, эффективность принудительного исполнения.

В настоящее время развитие процессуального права характеризуется детальной проработкой отдельных процессуальных регламентов в целях оптимизации судопроизводства по ряду категорий дел, возникших из потребностей защиты прав, свобод и законных интересов, в тех ситуациях, которые не имеют существенного исторического пути в России, но вызываются требованиями времени и профессиональной юридической практики. Одним из таких примеров является групповое судопроизводство, т.е. разбирательство дел по групповым искам¹. Осмысление реализации права взыскателя на исполнение судебных актов, вынесенных по результатам рассмотрения групповых исков, представляется значимым, поскольку законодательство, регулирующее соответствующие

гражданские исполнительные правоотношения, не предусматривает какой-либо значимой регламентации особенностей осуществления принудительного исполнения в отношении судебных актов, вынесенных по соответствующим искам, однако таковые существуют и значительно влияют на действия как взыскателя, так и иных участников исполнительного производства по данной категории дел.

Право на исполнение судебного акта, вынесенного в пользу группы лиц, показывает множественный характер — каждый из участников группы, поименованный в судебном решении, имеет право обратиться в органы принудительного исполнения с целью возбуждения исполнительного производства. Среди стимулов к развитию групповых исков за рубежом² и, соответственно, «групповых» исполнительных производств называются, помимо дорогостоящих и долгосрочного характера процессов, формирование устойчивой судебной практики, способной позволить спрогнозировать исход дела, взыскание значительных компенсаций и высоких гонораров судебных представителей, фатальный характер потерь от неисполнения решения суда³.

¹ О групповых исках см.: Аболонин Г.О. Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве — перспективы развития // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 43–47; Малешин Д.Я. Российская модель группового иска // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 4. С. 70–87; Осаке К. Классовый иск (class action) в современном американском гражданском процессе // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 137–147; Ярков В.В. Новые формы исковой защиты права в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) // Государство и право. 1999. № 9. С. 32–40; Cappelletti M. Governmental and Private Advocates for the Public Interest in Civil Litigation: A Comparative Study // Michigan Law Review. 1979. Vol. 73. Is. 5. P. 793–795; Cooper E.H. Class Action Advice in the Form of Questions // Duke Journal of Comparative & International Law. 2001. vol. 11. Is. 2. P. 215; и др.

² О развитии групповых исков в Великобритании и США и различных типах судопроизводства по их рассмотрению см., напр.: Andrews N. The Three Paths of Justice: Court Proceedings, Arbitration, and Mediation in England. 2nd ed. Springer, 2018.

³ См., напр.: Морозов М. Групповые споры с 1 октября: что несет новое регулирование. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/morozov/1291311/> (дата обращения: 07.09.2021).

Социальную значимость групповых исков и возникающий от их подачи общественный резонанс трудно переоценить, как и потенциальный размер финансовых потерь ответчика от проигрыша такого дела. Среди примеров исполнения судебных актов (или соглашений о примирении) по групповым искам можно назвать ситуации, например, с групповым иском в Великобритании в отношении компании — эмитента кредитных карт, которая нарушала антимонопольные правила с 1992 по 2008 г. Группа истцов насчитывала порядка 40 млн человек — жителей Великобритании, которые пользовались кредитными картами этой компании. Цена иска составляла примерно 1,6 млрд фунтов стерлингов, и, соответственно, эта сумма была выплачена⁴. Выплата в США по рассматриваемому 10 лет спору из-за завышенных комиссий с Visa, MasterCard и банками JPMorgan Chase, Bank of America и Citigroup составила 6,2 млрд долл.⁵ 30 клиентов компании Tesla в Норвегии выиграли в апреле 2021 г. коллективный иск против Tesla по поводу мошенничества, им была присуждена компенсация по 16 тыс. долл. каждому за преднамеренное ограничение работы аккумуляторов автомобилей⁶. Компания Johnson & Johnson в 2018 г. была присуждена в штате Миссури к выплате 4,7 млрд долл. по коллективному иску от 22 женщин, заявивших, что продукция компании спровоцировала рак⁷. В марте 2020 г. в рамках урегулирования претензий американских покупателей

ввиду специального замедления устаревших устройств компании Apple при установке обновления системного программного обеспечения через Интернет Apple под угрозой предъявления к ней группового иска согласилась выплатить 500 млн долл., не признав при этом каких-либо нарушений со своей стороны, а в ноябре 2020 г. компания достигла соглашения с представителями 33 штатов и округом Колумбия о выплате в их пользу 113 млн долл.⁸ В целях ограничения недобросовестности истцов и их представителей, в США в 2005 г. был принят закон Class Action Fairness Act. В настоящее время можно подать иск только группой истцов не менее 100 человек, а сумма требований должна начинаться от 5 млн долл.

В Европейском союзе правила рассмотрения групповых исков начали развиваться относительно недавно. Так, соответствующие процедуры на национальном уровне были введены в Нидерландах (1994 г.), Португалии (1995 г.), Испании (2001 г.), Германии (2002 г.), Дании (2003 г.), Голландии (2005 г.), Франции (2005 г.), Италии (2007 г.) и др. На уровне европейского взаимодействия в 2012 г. были начаты консультации по выработке коллективных исков для стран ЕС⁹. Среди примеров по Европейскому союзу можно назвать поданный в декабре 2020 г. групповой иск против компании Apple на общую сумму 180 млн долл. по указанной выше причине — намеренное замедление работы старых моделей iPhone (в феврале 2020 г. власти Франции обязали Apple выплатить штраф в размере 25 млн евро¹⁰). По состоянию на март 2021 г. рассматривался вопрос о подаче группового иска к компании AstraZeneca за нарушение контрактных

⁴ Правовая система без эффективных групповых исков ущербна. Интервью с Нилом Эндрюсом. URL: https://zakon.ru/discussion/2021/03/11/pravovaya_sistema_bez_effektivnyh_grupповых_iskov_uscherbna_intervyu_s_nilom_endryusom (дата обращения: 07.09.2021).

⁵ Борзенкова Е., Кондратьева И. На грани банкротства: чем российским корпорациям грозят коллективные иски. URL: <https://pravo.ru/story/214355/> (дата обращения: 07.09.2021).

⁶ Ситникова И. Суд в Норвегии признал Tesla виновной в ухудшении работы аккумуляторов. Компания должна выплатить по \$ 16 000 пострадавшим. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/sud-v-norvegii-priznal-tesla-vinovnoj-v-uhudshenii-raboty-akkumulyatorov-kompaniya-dolzha-vyplatit-po-dollar16000-postradavshim> (дата обращения: 07.09.2021).

⁷ Johnson & Johnson обязали заплатить \$ 4,7 млрд женщинам, использовавшим присыпки. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44819526> (дата обращения: 07.09.2021).

⁸ Apple to pay \$ 113 million to settle state investigation into iPhone 'batterygate'. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/11/18/apple-fine-battery/> (дата обращения: 07.09.2021).

⁹ По состоянию на сентябрь 2019 г. в ЕС не смогли прийти к единому мнению о принятии закона о коллективных исках потребителей. См.: Саможнев А. Страны Евросоюза отказались принимать закон о коллективных исках. URL: <https://rg.ru/2019/09/17/strany-evrosouza-otkazalis-prinimat-zakon-o-kollektivnyh-iskah.html> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁰ Apple заплатит полмиллиарда долларов владельцам старых iPhone. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-03-03_apple_soglasilas_vyplatit (дата обращения: 07.09.2021).

обязательств, если компания не будет соблюдать сроки поставки вакцин от коронавируса¹¹. В мае 2021 г. такой иск подан регулятором от лица всех 27 стран — членов ЕС. Причем целью иска являлось получение причитающихся по контракту доз вакцины (недоставлено 90 млн доз), а не денежной компенсации от AstraZeneca.

По статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2014 по 2018 г., арбитражные суды рассмотрели 355 дел по групповым искам. Это составляет 0,004% от общего количества дел, рассмотренных в тот же период. При этом на фоне увеличения общего количества дел число производств по исковым заявлениям в защиту прав и законных интересов группы лиц значительно снизилось. Общий процент удовлетворения исков анализируемой категории за указанный промежуток времени составил 66%¹². За первое полугодие 2020 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено по коллективным административным искам 25 дел, по гражданским искам о защите прав и законных интересов группы лиц (20 и более истцов в соответствии со ст. 244.20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)) — 387 дел¹³. За тот же период арбитражными судами рассмотрено 16 дел о защите прав и законных интересов группы лиц на сумму 24 587 тыс. руб., из них 8 удовлетворено на общую сумму 8 041 тыс. руб.¹⁴

Практика рассмотрения групповых исков есть и в порядке административного судопроизводства (например, Краснодарский краевой суд по делу № За-316/2018 вынес решение от 02.04.2018 по коллективному административному исковому

заявлению об установлении результатов определения кадастровой стоимости земельного участка¹⁵), и в порядке арбитражного судопроизводства (Арбитражный суд г. Москвы по делу № А40-229102/15-40-1891 вынес решение от 17.06.2019 об отказе в удовлетворении требований о признании права общей долевой собственности собственников помещений многоквартирного дома¹⁶), и в порядке гражданского судопроизводства (Петровский районный суд Ставропольского края по делу № 2-37/2017 вынес решение от 08.02.2017 об устранении препятствий в пользовании общим имуществом, о возложении на управляющую компанию обязанности отремонтировать имущество¹⁷).

Порядок возбуждения исполнительного производства по решению суда, вынесенному по групповому иску, подготовки к принудительному исполнению и совершения исполнительных действий предопределен общими правилами Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Федеральный закон «Об исполнительном производстве»), особенности реализации механизма принудительного исполнения в отношении группы лиц в законе не усматриваются.

Если право на судебную защиту участника группы лиц могут реализовать коллективно, в том числе через лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, то право на исполнение по таким производствам предполагает индивидуальное взаимодействие каждого из взыскателей с должником. То есть обязательство должника персонализируется в отношении конкретного взыскателя, и это на первый взгляд логично, при этом если кто-либо из участников группы право на исполнение судебного акта не реализует, это не влияет на соответствующее право у других участников.

Представляется, что подобная ситуация, когда судопроизводство является групповым, а исполнительное производство — индивидуальным, является нелогичным, поскольку, если мы говорим о за-

¹¹ Страны ЕС могут подать коллективный иск против AstraZeneca. URL: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/530676/> (дата обращения: 07.09.2021).

¹² Матюшов С. Групповые иски по ГПК РФ с 1 октября 2019 года: комментарий эксперта. URL: <https://www.law.ru/article/22515-grupповые-iski-po-gpk-rf-s-1-oktyabrya-2019-goda> (дата обращения: 07.09.2021).

¹³ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁴ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5459> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁵ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁶ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁷ URL: https://petrovsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 07.09.2021).

щите группы лиц, она должна завершаться аналогично и в порядке принудительного исполнения как защита группы лиц. Право на принудительное исполнение в ситуации с групповым способом правовой защиты не имеет препятствий к реализации также в групповом формате. Суть лишь в том, один ли взыскатель обратится в орган принудительного исполнения либо группа лиц.

Представляется важным допустить возможность реализации права на исполнение для всех участников после его осуществления первым из них, кто подал заявление о возбуждении исполнительного производства, поскольку логично предположить, что, если судебный акт в отношении всех участников группы один, в нем определены все права и обязанности субъектов конкретных правоотношений, дан однозначный ответ по требованию истцов, то и исполнительное производство должно быть единым. Те взыскатели, кто не успели первыми обратиться к судебному приставу-исполнителю, могли бы присоединиться к соответствующей группе и в рамках одного исполнительного производства.

Целесообразно вообще пойти дальше, расширив возможность реализации права на исполнение по групповым производствам даже на те ситуации, когда взыскатель по групповому иску вообще не обращался в органы принудительного исполнения, поскольку судебный акт должен исполняться в отношении всех участников группы, в том числе и тех, кто прямо не инициировал возбуждение исполнительного производства в отношении должника. Данное предложение дискуссионно, однако имеет право на существование при условии достаточной аргументации.

В современных условиях можно наблюдать сложность в исполнимости судебных актов по групповым искам по причине как раз индивидуально осуществляемых исполнительных производств, причем их могут вести различные судебные исполнители, действуя, возможно, не согласованно и не системно, каждый в свои сроки и через применение в каждом исполнительном производстве индивидуальных мер принудительного исполнения, что в итоге может существенно повлиять на эффективность судопроизводства по групповым искам. Индивидуальное исполнение по

групповому судебному акту приводит к усложнению процедуры для взыскателей и упрощению возможностей для должника не исполнять такое решение.

Установление правил *группового исполнительного производства*, являющегося следствием реализации судебных решений, вынесенных по групповым искам, сможет нивелировать подобную сложность. Именован его «сводным» исполнительным производством здесь не вполне корректно, поскольку в последнем могут объединяться несколько исполнительных производств имущественного характера, безотносительно общности соответствующих материальных правоотношений между взыскателями и должником, однородности их прав и законных интересов. Логичным продолжением группового иска и «группового» судебного решения могло бы стать «групповое исполнительное производство».

Для оптимизации реализации права на исполнение судебных актов по групповым искам можно обратиться к опубликованному в 1996 г. проекту изменений в ГПК РФ относительно введения порядка исполнения решения по групповому иску¹⁸. Авторы проекта определяли возможность исполнения такого акта после вступления в законную силу всех решений, вынесенных против ответчика, включая решения по искам отдельных граждан, подавших заявления об исключении из числа участников группы. Удовлетворение требований взыскателей предполагалось в случае недостаточности денежных средств и имущества должника путем распределения взысканных сумм пропорционально сумме удовлетворенных судом требований каждого из участников группы.

Предложение авторами проекта предусмотреть возможность образования специального фонда из имущества и денежных средств должника для передачи его на хранение и в управление в интересах взыскателей, а также назначения уполномоченного представителя взыскателей для контроля за финансово-хозяйственными операциями должника, действительно, будет способствовать более оперативному

¹⁸ Бернэм У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1996. С. 100–103.

и эффективному осуществлению исполнительного производства. Однако данные предложения являются не дополнительными мерами принудительного исполнения, как на то указывали авторы проекта, а способами обеспечения исполнимости судебного акта, поскольку меры принудительного исполнения нацелены на обеспечение прямой исполнимости судебного акта (арест имущества, принудительное вселение, изъятие имущества и проч.), а предлагаемые авторами «дополнительные меры» выступают как способы обеспечения сохранности имущества и денежных средств должника в целях дальнейшего совершения судебным приставом-исполнителем непосредственно мер принудительного исполнения. Более оптимально их анализировать в контексте мер по обеспечению иска, тем более что их цели — гарантировать будущее исполнение судебного акта — совпадают.

Представляется более логичным по истечении трехлетнего срока имущество и средства, оставшиеся в фонде, не «использовать в порядке, установленном Правительством Российской Федерации», как на то указывают авторы проекта, а вернуть имущество должнику, поскольку если: а) требования заявившихся взыскателей удовлетворены; б) незаявившиеся извещены о групповом производстве в установленном порядке; в) сроки для предъявления требований в рамках группового исполнительного производства пропущены, то имущество должника должно остаться в его

собственности, а право на него не должно переходить к кому-либо в порядке, определенном Правительством Российской Федерации (далее — Правительство РФ).

В целом представляется, что правила о групповом исполнительном производстве должны содержаться не в ГПК РФ, как предлагают авторы законопроекта, что также потребует внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а непосредственно в Федеральном законе «Об исполнительном производстве», поскольку здесь речь идет о порядке принудительного исполнения, а не о роли суда в указанных процедурах. Кроме того, вряд ли целесообразно отдавать ряд вопросов на усмотрение Правительству РФ, поскольку вопросы исполнимости судебных актов должны регулироваться законодательством об исполнительном производстве.

Гарантией реализации права на исполнение судебных актов по групповым искам выступает обязанность должника, которую ему вменил суд, довести информацию о принятом решении до сведения всех членов группы лиц в установленный судом срок через средства массовой информации или иным способом (ч. 3 ст. 225.17 АПК РФ, ч. 3 ст. 244.28 ГПК РФ), что позволяет участникам группы реализовать право на исполнение, если по каким-либо причинам они не знали о принятом судом решении.

Литература

- Аболонин Г.О. Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве: перспективы развития / Г.О. Аболонин // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 4. С. 47.
- Проблемы гражданской юрисдикции / У. Бернэм, М. Теринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2003.
- Группового иска / Д.Я. Малешин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 4. С. 70–87.
- Group Litigation (Litigation) в современном американском гражданском процессе (групповые иски) / Д.Я. Малешин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 3. С. 137–147.
- Групповые иски: защита права в гражданском процессе (групповые иски) / Д.Я. Малешин // Государство и право. 1999. № 9. С. 32–40.
- Justice: Court Proceedings, Arbitration, and Mediation in the 21st Century / R. Pounder, 2018. 344 p.
- Private Advocates for the Public Interest in Civil Litigation: The Role of the Public Interest Litigator / J. Letti // Michigan Law Review. 1979. Vol. 73. Is. 5. P. 794–884.
- Group Litigation in the Form of Questions / E.H. Cooper // Duke Journal of Law and Ethics Review. 2001. Vol. 11. Is. 2. P. 215–225.

¹² М.О. Сухомлинский, 07.09.2021, <https://gpk-grf-sud.ru/>

¹³ Данные судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.sudact.ru/>

¹⁴ Данные судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.sudact.ru/>

Гроник Ирина,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН), кандидат юридических наук
gronik-i@rudn.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-11-57-60

Особенности функционирования электронной судебной системы Государства Бруней-Даруссалам*

Предпринята попытка анализа действующих материалов об электронной системе управления судебными делами Государства Бруней-Даруссалам, применяющего электронную систему правосудия. Необходимость использования электронной системы управления судебными делами обоснована не только в обычном режиме, но и в период всемирной пандемии коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: гражданский процесс, информационные системы, электронная регистрация, электронный суд, электронное судопроизводство, цифровизация, электронная система управления судебными делами, Бруней-Даруссалам.

Введение

Султанат Бруней-Даруссалам (также официально принято сокращенное название — Бруней) является частью Азиатско-Тихоокеанского региона в Юго-Восточной Азии. С 1984 г. стал суверенным государством, сохранив, однако, как бывшая британская колония, английское право в нескольких областях. Например, судебная система Брунея — некий симбиоз английского и исламского права, в котором последнее обладает приоритетным значением. Судебная система Брунея выглядит следующим образом (см. табл.).

Электронная система управления судебными делами в Брунее

Электронная система управления судебными делами (JCMS) была официально внедрена в государственную судебную систему Брунея 23 марта 2015 г. Целями создания и введения данной системы являются: повышение продуктивности судебного производства; развитие человеческих ресурсов; улучшение предоставляемых государственных и юридических услуг; повышение доступности суда для широкой общественности, государственных учреждений и юридического сообщества; обеспечение действенного и систематического способа управления судебными ресурсами для улучшения

Таблица

Судебная система Государства Бруней-Даруссалам

<p>Английская правовая система</p> <ul style="list-style-type: none"> • Верховный суд, • Апелляционный суд, • Высший суд, • Суд промежуточной инстанции. <p>А также:</p> <ul style="list-style-type: none"> • нижестоящие суды, • магистратские суды, • Суд по делам несовершеннолетних, • Трибунал мелких тяжб 	<p>Шариатская судебная система</p> <ul style="list-style-type: none"> • Суды шариата рассматривают семейные вопросы и уголовные преступления, • Шариатские нижестоящие суды, • Шариатский Высокий суд, • Шариатский Апелляционный суд*
---	--

* Brunei Darussalam Country Report. URL: http://www.led.go.th/inter/pdf/2_Brunei.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

взаимодействия между судами по всей стране¹.

¹ What cases are filed in the Electronic Filing System (EFS)? // State Judiciary Department Brunei Darussalam / JCMS FAQs. URL: <http://judiciary.gov.bn/SJD%20Site%20Pages/JCMS%20FAQs.aspx> (дата обращения: 03.09.2021).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00276 «а».

Система управления судебными делами включает следующие опции: онлайн-подача судебных документов, оперативный поиск документов, составление и планирование графиков судебных дел, отслеживание материалов дела, централизованная база данных, киоски самообслуживания, регистрация посещаемости, электронное уведомление.

Электронная система управления судебными делами (JCMS)² состоит из трех модулей:

- электронная система подачи документов (E-Filing),
- система управления делами (Case Management System/CMS),
- система управления очередью (Queue Management System/QMS).

Первый модуль E-Filing — это электронная файловая система, предназначенная для использования публичными пользователями и практикующими юристами с целью электронной подачи судебных документов;

- представляет собой единый портал, электронная сеть которого распространяется на все юридическое сообщество, объединяя все общенациональные суды;

- система E-Filing предназначена для рассмотрения гражданских и уголовных судебных процессов, процедуры банкротства, наследственных и семейных вопросов в Верховном суде и нижестоящих судах.

Услуга электронной системы подачи документов E-Filing инициирована судебной властью Брунея. Данный портал предоставляется государственной судебной системой при канцелярии премьер-министра Брунея³. E-Filing была разработана как эффективная и универсальная платформа для юридического сообщества, с целью получения доступа ко всем необходимым опциям, от регистрации дела до подачи документов и поиска служебных документов, материалов дела, иной информации. После успешной ре-

гистрации в системе электронной подачи документов официальный представитель, которым может быть только юрист, получит на электронную почту уведомление о статусе поданной заявки.

Портал электронной подачи документов E-Filing обладает следующими преимуществами: во-первых, предоставлен своевременный круглосуточный доступ к материалам судебного дела без выходных и праздничных дней; во-вторых, производятся интерактивные оповещения и уведомления, приходящие на электронную почту заявителя, а также существует возможность отправки документов из любого места без очередей; в-третьих, экономичное хранение файлов в цифровом формате и обеспечение автоматизацией и полной компьютеризацией судебных процессов; в-четвертых, повышение эффективности управления и администрирования судебными делами. Кроме того, данная система предотвращает случаи потери файлов.

Второй модуль электронного комплекса — система управления делами (Case Management System/CMS) — предназначен только для внутрисудебного пользования, исключительно для судебных органов. Система CMS позволяет распределять судебные дела и управлять расписанием слушаний судей и судебных приставов⁴.

Третий модуль — система управления очередью (Queue Management System/QMS) — позволяет представителям общест-венности и практикующим юристам получать обновленные списки слушаний дела, видеть статус дел и другие расписания судебных заседаний через киоски, которые расположены в отдельных зданиях Суда. Интерактивные киоски обеспечивают упорядоченную систему очередей. Система управления очередью предоставляет следующие услуги: киоски самообслуживания; регистрация посещаемости; СМС-уведомление. Для получения информации об интересующем судебном деле необходимо выбрать опцию «Узнать подробности дела» и ввести номер дела в поисковую систему.

² Система управления судебными делами (JCMS). URL: <http://efiling.judiciary.gov.bn/efiling> (дата обращения: 30.08.2021).

³ Портал электронной подачи документов Брунея GOV.BN. URL: <https://www.gov.bn/Lists/Service/NewDisplay.aspx?ID=129> (дата обращения: 05.09.2021).

⁴ Brunei Darussalam Country Report. URL: http://www.led.go.th/inter/pdf/2_Brunei.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

Кроме того, использование системы управления очередью QMS является обязательным условием регистрации явки на судебное заседание, иначе без электронной регистрации в QMS суд не сможет отслеживать и контролировать явку присутствующих сторон или при необходимости отложить слушание дела. Чтобы зарегистрировать присутствие, необходимо пройти электронную регистрацию, выбрав опцию «Зарегистрировать посещаемость», ввести номер дела, затем выбрать из категорий «Присутствуют все истцы» или «Присутствуют все ответчики», соответствующую статусу. Подтвердить выбор, нажав «Да». Таким образом, данный модуль является обязательным условием подтверждения присутствия на судебном заседании⁵.

По каким же категориям дел могут быть поданы документы при помощи электронной системы? Данная судебная система используется для подачи документов по гражданскому и уголовному процессу в Апелляционном суде, Высоком суде, Суде промежуточной инстанции, Мировом суде и Суде по делам несовершеннолетних и наследственным делам. Однако полный доступ к данной системе предоставляется исключительно государственным агентствам и официально зарегистрированным юридическим фирмам. Представители общественности в электронном судопроизводстве по гражданским и уголовным делам имеют ограниченные права, они могут только скачивать и извлекать подписанные документы. Чтобы подать иск, гражданину необходимо обратиться к стойке «Сервис-бюро». После чего на адрес электронной почты судом будет направлено уведомление, содержащее ссылку для перехода на портал электронной файловой системы E-Filing. Затем следует ввести номер кода, указанный в электронном письме, и загрузить документы.

Следовательно, электронная система управления судебными делами помогает более эффективному взаимодействию не только между судами по всему султанату,

но также между судом и сторонами судебного процесса. В подтверждение вышеуказанного следует привести цитату из информационного письма Председателя Верховного Суда Брунея-Даруссалама от 28 января 2021 г. Обратившись к юридическому сообществу страны, Дато Сери Падука Стивен Чонг рассказал о работе судебной власти в период пандемии COVID-19. Также он заявил, что «судебная власть обязана оставаться открытой, доступной и функциональной даже во время кризиса»⁶. И несмотря на временное введение в начале 2020 г. некоторых ограничительных мер из-за ситуации с COVID-19, «с помощью современных информационных технологий суды Брунея оставались открытыми для подачи и выдачи документов, для размещения судебных актов через электронную систему управления судебными делами E-Filing»⁷. Кроме того, использование цифровых платформ Microsoft Teams и Zoom для проведения удаленных слушаний и видеоконференций позволило продолжить работу судов. Например, посредством видеоконференции в Zoom в октябре 2020 г. было проведено слушание по делу, участники которого физически находились в разных географических точках. Главный судья заявил, что, обеспечивая своевременность и эффективность отправления правосудия, судебная власть сосредоточила внимание на решении проблем, связанных с накопившимися делами и задержками в рассмотрении дел. Статистика о текущей загруженности судов показала, что с 2019 по 2020 г. по коммерческим делам, поданным в Суд промежуточной инстанции, разрешено 84% дел, по гражданским делам в Мировом суде — 81% дел. Председатель Верховного Суда отметил, что время, затрачиваемое на рассмотрение коммерческих дел в суде промежуточной инстанции в 2019 г., составило

⁵ What cases are filed in the Electronic Filing System (EFS)? // State Judiciary Department Brunei Darussalam...

⁶ Пресс-релиз Верховного Суда Брунея-Даруссалама 2021 г. URL: <http://www.judiciary.gov.bn/Lists/News/NewDisplayForm.aspx?ID=122&Source=http%3A%2F%2Fwww%2Ejudiciary%2Egov%2Ebn%2FLists%2FNews%2FAllItems%2Easpx&ContentTypeId=0x01004EE1520DB09AC547981D92B83F9B1E48> (дата обращения: 03.09.2021).

⁷ Там же.

344 дня, что свидетельствует о заметном улучшении по сравнению с данными 2018 г., когда в среднем требовалось 598 дней, что еще раз подтверждает эффективность электронной системы управления судебными делами.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что Государство Бруней-Даруссалам с 2015 г. активно внедряет и эффективно применяет информационные технологии в судебную систему для электронной обработки судебных дел, повышая продуктивность подготовки дела к судебному разбирательству и сокращая сроки ведения судебного разбирательства по делу. Актуальность и необходимость использования электронной системы управления судебными делами была подтверждена не только в

обычном режиме, но и в период всемирной пандемии коронавирусной инфекции. Как отмечают многие исследователи, цифровизация, мгновенно вошедшая в различные сферы жизни общества⁸, в том числе и в судебное производство, давно перестала быть просто нововведением. Практика показывает, что «цифра» стала частью различных процессов, с которыми многие государства и общество сталкиваются ежедневно⁹.

⁸ Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. P. 665–673.

⁹ Гроник И. Особенности правового регулирования цифрового судопроизводства в Республике Индонезия // *Юридический мир*. 2020. № 11. С. 54–57.

Литература

1. Гроник И. Особенности правового регулирования цифрового судопроизводства в Республике Индонезия / И. Гроник // *Юридический мир*. 2020. № 11. С. 54–57.

References

1. Rusakova E.P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E.P. Rusakova, E.E. Frolova, A. Gorbacheva // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. P. 665–673.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Arbitrazh-Civil Procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 11/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 09.11.2021.

Issue was published: 18.11.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 **I.M. Shevchenko.** On the Inter-Disciplinary Nature of the Estoppel Principle

9 **N.A. Novikov.** On Some Issues of the Legal Status of Arbitration Proceedings in the Modern Russia

14 **S.A. Kurochkin.** Rules on Litigation Costs as a Means of Ensuring Efficiency of Civil and Arbitral Procedures

19 **M.N. Miroshnichenko.** On the Exercise by Prosecutors of the Authorities to Protect the Rights of Persons with Disabilities in Court

23 **V.A. Abdullina.** Cyber Sports Disputes: Issues of Forum Conveniens, Efficient Procedures and Injunctive Remedies

29 **A.Yu. Staritsyn.** Summary Proceedings in Civil and Arbitral Procedures

33 **A.I. Nechaev.** The Impact of Succession on the Period of Limitation of Actions

36 **Yu.Yu. Yakubiyak.** Collection of Astreinte: Some Procedural Issues

40 **E.G. Potapenko.** Unconventional Means of Changing a Court Judgment in a Civil Procedure

44 **E.M. Danilin, O.V. Karpeev.** The Towage Contract and Related Contractual Obligations (Based on Commercial Case Materials)

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

49 **I.A. Serobaba.** On Challenging of Transactions in Insolvency (Bankruptcy) Cases by a Prosecutor

ENFORCEMENT PROCEEDINGS

52 **E.N. Kuznetsov.** Features of Exercising of the Right to Enforce Court Rulings Issued Based on the Results of Class Actions Review

CIVIL PROCEDURE OF FOREIGN COUNTRIES

57 **I. Gronik.** Features of Functioning of the Electronic Judicial System of the State of Brunei Darussalam

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

On the Inter-Disciplinary Nature of the Estoppel Principle**Ilya M. Shevchenko**Associate Professor of the Department of Financial Law
of the National Research University Higher School of Economics
PhD (Law)

The author grounds, that confessions and affirmations, made by a party to a future dispute earlier, than a case was initiated, shall be considered by the court during trial. It is asserted that criminal liability for deliberately false testimony from a party to the dispute is unnecessary, a softer procedural sanction as a total disqualification of a party's testimony is needed.

Keywords: estoppel, false testimony, bona fides principle.

On Some Issues of the Legal Status of Arbitration Proceedings in the Modern Russia**Nikolay A. Novikov**Presiding Judge of the Commercial Court of Moscow
PhD (Law)

The article is devoted to the historical and legal analysis of the legal status of the arbitration court and arbitration proceedings in modern conditions. Amendments to the 2020 Constitution, adopted by popular vote, secured a number of important constitutional guarantees, including in the area of administration of justice. In particular, the independent position of arbitration proceedings in the system of procedural forms of protection of violated and disputed private and public rights has been finally consolidated. It is shown that for a long time (in the pre-revolutionary and Soviet periods), arbitration courts were considered as specialized, and their competence was determined by using the general concept of "civil case". Arbitration proceedings were in most cases referred to as "arbitration proceedings" and were often viewed as part of civil proceedings. The author sees the reason for this situation in the absence of a separate branch of "business law" in the legislation, as well as the fact that until 2020 the Constitution of the Russian Federation did not name arbitration proceedings among the forms of administration of justice. It is proved that at present the arbitration court occupies an independent position in the judicial system, is characterized by its own competence, there is every reason to distinguish the category of "arbitration case", and arbitration proceedings are an independent procedural form of protection of violated rights.

Keywords: arbitration court, arbitration proceedings, civil case, arbitration case, entrepreneurial and other economic activity.

Rules on Litigation Costs as a Means of Ensuring Efficiency of Civil and Arbitral Procedures**Sergey A. Kurochkin**Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University
PhD (Law)

Managing the costs of litigation is an important condition for the effectiveness of civil and commercial court litigation. The rules established by the procedural law that determine the amount of court costs and the procedure for their distribution among the parties can become a means of ensuring the effectiveness of civil and commercial court proceedings.

Keywords: effectiveness, litigation, expenses, court costs, efficiency and cost-effectiveness.

On the Exercise by Prosecutors of the Authorities to Protect the Rights of Persons with Disabilities in Court**Maria N. Miroshnichenko**Head of the First (Area-Based) Department of the Directorate of Cassation and Supervision
of the Chief Civil and Judicial Directorate of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activities of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article deals with the practice of prosecutors to protect the rights of disabled in court. Additional attention is paid to the protection labor and housing rights of this category of citizens. The author comes to the conclusion that it is necessary to amend the procedural legislation in term of expanding the powers of the prosecutor to improve the effectiveness of protection from socially vulnerable categories of citizens.

Keywords: prosecutor, claim, the rights of citizens, disabled.

Cyber Sports Disputes: Issues of Forum Conveniens, Efficient Procedures and Injunctive Remedies**Valeria A. Abdullina**Postgraduate Student of the Department of Judicial Proceedings and Criminal Law Systems
of the National Research University Higher School of Economics
Lawyer at Volkswagen Bank RUS, LLC

The article is aimed at finding an optimal institution and procedure for resolving esports disputes. Analyzing the specific features of this sphere, the author suggests that its necessary to differentiate disputes

by subject criteria into disputes with professional participants (ESIC) and with users (state courts). Following the results of the review of the existing procedural mechanisms, the author concludes that the procedure of interim measures in esports as a preventive tool will be capable of ensuring effective application of restrictive means in a procedural form.

Keywords: esports, esports disputes, competent court, arbitration, ESIC, ESL, interim measures.

Summary Proceedings in Civil and Arbitral Procedures

Aleksey Yu. Staritsyn

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Justice of the Baikal State University

The article discusses summary court procedures in civil and arbitration proceedings, provides statistical data of them. The author focuses on the similar and different characteristics of such procedures used by arbitration courts and courts of general jurisdiction. In parallel, the author points out the gaps in the current civil and arbitration procedural legislation, focuses on the shortcomings of legislative provisions. In addition, the author develops recommendations for further improvement of civil procedural rules on summary proceedings in relation to each stage of the arbitration and civil process. The author formulates a conclusion about the tendency of legislation on summary procedures to unify the key provisions that determine the content of summary proceedings. At the same time, unification is accompanied by elements of differentiation due to the different jurisdiction of the judicial authorities.

Keywords: summary proceedings, arbitration proceedings, civil proceedings, similarities and differences.

The Impact of Succession on the Period of Limitation of Actions

Aleksandr I. Nechaev

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article is devoted to the relationship between material succession and the expiration of the statute of limitations, as well as the determination of the moment of their beginning. The article concludes that contrary to the general rule of Art. 201 of the Civil Code of the Russian Federation, material succession, depending on the moment at which it occurs, may affect the interruption of the statute of limitations. The definition of this point is closely related to the distinction between procedural succession and the replacement of the inappropriate defendant. The examples given in the article illustrate the thesis about the intersectoral nature of the institution of limitation periods.

Keywords: limitation period, material succession, procedural succession, replacement of the inappropriate defendant, break in the limitation period, calculating the limitation period.

Collection of Astreinte: Some Procedural Issues

Yulia Yu. Yakubyak

Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure and Entrepreneurial Law of the Samara National Research University
Chief Legal Officer at Remedium, LLC

When resolve an issue of recovery of a court forfeit the fact of non-execution of a court decision must be establish in obligatory procedure. According to the current procedural legislation (Article 56 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 65 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation), the burden of proof the fact of non-fulfillment of a court decision in the collection of a court forfeit rest on the recoverer. The averment of non-fulfillment of a court decision actually is binding the recoverer to prove "something that really isn't there", which makes the process of proof very difficult. Due to this, the author makes a proposal to presume the debtor's guilt in non-fulfillment of the court decision in the consideration of cases of recovery of a court forfeit. In the article, the author also comes to a conclusion, that non-compliance with court decisions is represented a negative fact of proof. The imposition of the burden of proof of a negative fact on the claimant (recoverer) is unacceptable in terms of maintaining a balance of procedural rights and guarantees of their protection. In the author's opinion, the obligation to prove the failure to comply with the judgement in the collection of the penalty should be shifted to the defendant (debtor) and assigned to him. This circumstance and circumstances objectively impeding the execution of a court decision and the illegal refusal to accept the proper execution proposed by the debtor, are among the factual circumstances that must be proved to the debtor in order to prevent the satisfaction of the requirement to recover a judicial penalty from him.

Keywords: court forfeit, non-compliance of the court decisions, proving of negative fact, presumption of guilt debtor.

Unconventional Means of Changing a Court Judgment in a Civil Procedure**Evgeny G. Potapenko**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Saratov State University

Associate Professor of the Department of Arbitral Procedure of the Saratov State Law Academy

PhD (Law)

The article deals with the problem of changing the decision of the first instance court that has come into legal force by applying procedural mechanisms formed by judicial practice. These mechanisms include methods of changing a court decision that arose as a result of an extensive interpretation of procedural law (change in the initial selling price of a pledged item according to the rules for changing the method and procedure for executing a court decision), as well as methods appeared as a result of law-making interpretive activities that have a law-making nature (change in the size of penalty, collected by the court for the future, by considering an independent claim). It is concluded that the unconventional ways of changing the court decision do not comply with the current legislation and the fundamental provisions of procedural science.

Keywords: change of the court decision, self-control of the court of first instance, revision of judicial acts, interpretation of law, specialization of civil procedural law.

The Towing Contract and Related Contractual Obligations (Based on Commercial Case Materials)**Evgeny M. Danilin**

Judge of the Sixth Cassation General Jurisdiction Court

Postgraduate Student of the Ulyanovsk State University

Oleg V. Karpeev

Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Law Faculty

of the Ulyanovsk State University

PhD (Law)

In this article, the authors identify the correlation of the towing contract with other contractual obligations. The history of the legal regulation of the towing contract is studied in order to fix the moment of the appearance of this contract as an independent one. The historical relationship between the towing contract and the transportation contract, as well as contract-type contracts, is noted.

It is noted that in modern practice, the towing contract is not always correctly identified by the subjects of obligations. Examples from judicial practice are given when towing obligations are introduced as elements of a mixed contract. Proposals are made to adjust the practice of contractual work.

Keywords: towing contract, vessel, towed object.

On Challenging of Transactions in Insolvency (Bankruptcy) Cases by a Prosecutor**Ilya A. Serobaba**

Judge of the Commercial Court of the Kostroma Region

The article analyzes the theoretical and applied problems of limiting the procedural competence of the Prosecutor in the arbitration process to appeal a transaction in the case of one of its parties being bankrupt and the introduction of bankruptcy proceedings.

Keywords: transaction, arbitration court, prosecutor, bankruptcy, abuse of law.

Features of Exercising of the Right to Enforce Court Rulings Issued Based on the Results of Class Actions Review**Evgeny N. Kuznetsov**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Visiting Professor of the Paris Nanterre University (France)

PhD (Law)

The article deals with the certain features of the implementation of the right to enforce judicial acts issued in class action. The article analyzes examples of class actions and the impact of the enforceability of judicial acts issued on them on the development of relevant relations. It is proposed to develop in the procedural legislation on enforcement proceedings of group enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, class action, group enforcement proceedings, the right to enforce judicial acts, the effectiveness of enforcement.

Features of Functioning of the Electronic Judicial System of the State of Brunei Darussalam**Irina Gronik**

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law

of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

PhD (Law)

An attempt was made to analyze the existing materials on the electronic court management system of the State of Brunei Darussalam using the electronic justice system. The need to use an electronic court management system is justified not only in the usual way, but also during the global pandemic of coronavirus infection.

Keywords: civil procedure, information systems, electronic registration, electronic court, electronic court proceedings, digitalization, judiciary case management system, Brunei Darussalam.